

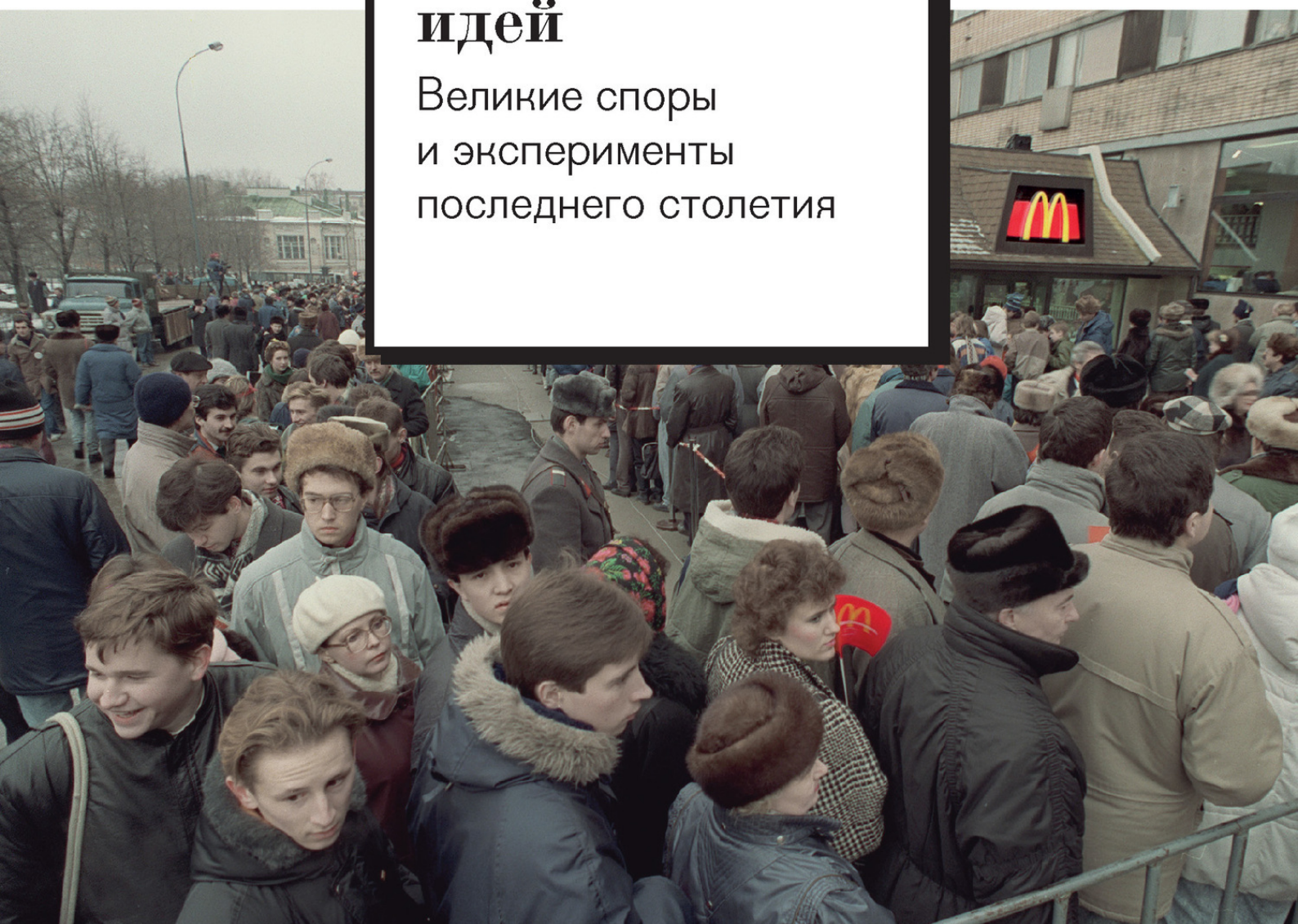
INLIBERTY

*Библиотека
свободы*

Лоуренс Уайт
**Борьба
экономических
идей**

Великие споры
и эксперименты
последнего столетия

Библиотека свободы

Лоуренс Уайт

**Борьба экономических идей:
Великие споры и эксперименты
последнего столетия**

«Новое издательство»

2012

УДК 330.8
ББК 65.02

Уайт Л.

Борьба экономических идей: Великие споры и эксперименты
последнего столетия / Л. Уайт — «Новое издательство»,
2012 — (Библиотека свободы)

ISBN 978-5-98379-240-1

Историю XX века можно представить как историю масштабных экономических экспериментов – и как историю идей, которые легли в их основу. Именно это делает профессор Университета Джорджа Мейсона Лоуренс Уайт, который разбирает в своей книге основные экономические теории последнего столетия и их влияние на государственную политику, а значит, и на нашу жизнь. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 330.8
ББК 65.02

ISBN 978-5-98379-240-1

© Уайт Л., 2012
© Новое издательство, 2012

Содержание

Благодарности	6
Введение	8
Обзор содержания книги	10
Есть ли последствия у экономических идей?	12
Структура интеллектуального производства	14
Государство versus рынок	16
Социализм versus капитализм	18
Глава 1	20
Джон Мейнард Кейнс	21
Фридрих А. Хайек	22
Кейнс о конце laissez-faire	24
Кейнс и Хайек о роли государства	25
Политическая экономия в эпоху прогрессизма в США	27
Кейнс был не первым, кто отвернулся от идей laissez-faire	29
Альфред Маршалл и Ирвинг Фишер о laissez-faire	31
Мировая экономика до 1914 года	34
Закон о федеральном резерве и Первая мировая война	35
Русские революции 1917 года	36
Карл Маркс	38
Глава 2	39
Большевики осуществляют экономическую политику	40
Вена, 1920 год	42
Людвиг фон Мизес	43
Мизесовская критика социалистической экономики	44
Дефицит в СССР	45
Необходимость цен на факторы производства	46
Производство в условиях «робинзонады» в противоположность специализированному производству и торговле	47
Какие производственные проекты заслуживают реализации?	48
Критерий прибыли делает возможным «разделение умственного труда»	50
Почему не годится оценка, основанная на затратах труда?	51
Трудовая теория ценности и связанные с ней проблемы	52
Проблема стимулов при социализме	54
Ответ Оскара Ланге на вызов Мизеса	55
Оскар Ланге	57
Ответ Ланге Мизесу	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лоуренс Уайт
Борьба экономических
идей. Великие споры и
эксперименты последнего столетия

Серия «Библиотека свободы» выходит в рамках издательской программы проекта InLiberty

Книга издана при поддержке Фонда Фридриха Науманна за свободу (Германия)

В оформлении обложки использована фотография Александра Земляниченко, 31 января 1990 года (Alexander Zemlianichenko / AP / TASS)

© Syndicate of the Press of the University of Cambridge, England, 2012

© Новое издательство, 2020

Благодарности

Прежде всего, я должен выразить благодарность Дэвиду Роузу, моему коллеге по прежнему месту работы, заведующему кафедрой в Университете Миссури в Сент-Луисе, за то, что он поручил мне читать курс «История экономической мысли», положивший начало этому проекту, а также за то, что он создал благоприятные условия, чтобы я мог этим заниматься. Центр социальной философии в Университете Боулинг Грин штата Огайо великодушно предоставил мне рабочее место во время весеннего семестра (если такая характеристика уместна для этого времени года в северо-западном Огайо) 2008 года, где я имел возможность написать черновик первых семи глав. Джефф Пол, Эллен Фрэнкел Пол и Фред Миллер из этого центра и их студенты-магистранты сделали ряд ценных замечаний. Осенью 2009 года я перешел на работу в Университет Джорджа Мейсона, где мои новые коллеги с большим одобрением отнеслись к этому книжному проекту и снабдили меня множеством полезных замечаний и литературных ссылок – особенно Питер Бёттке, Дон Будро, Дэн Клейн, Дэвид Ливай и Ричард Вагнер. Незаменимую роль в завершении работы над книгой сыграла финансовая поддержка Меркатус-центра Университета Джорджа Мейсона; кроме того, этот центр выпустил серией препринтов предварительные варианты глав книги, что было очень полезно для дальнейшей работы над ней. В связи с помощью, полученной от Меркатус-центра, я бы хотел особенно поблагодарить Клэр Морган, Брайана Хукса и Тайлера Коуэна.

В мае 2010 года Либерти-фонд провел Сократический семинар, также оказавшийся для меня очень полезным в ходе работы над рукописью. Я благодарен Крису Толли и Эмми Уиллис из Либерти-фонда за организацию этого семинара, Брюса Колдуэлла из Университета Дьюка за ведение дискуссии и всех участников за трудные вопросы и полезные комментарии. В семинаре приняли участие: Питер Бёттке, Тоуни Феррарини, Эмили Фишер Грэй, Райан П. Хэнли, Бобби Херцберг, Джефф Хаммел, Найл Б. Кардацке, Арнольд Клинг, Мария Пиа Паганелли, Алекс Потапов, Расс Собел и Дайана Вайнерт Томас. Полезные замечания с позиции читателя дали студенты Брюса Колдуэлла из Университета Дьюка (письменно) и студенты Дага Ирвина из Дартмутского колледжа (при личной встрече). По ходу работы я представлял отдельные главы в виде докладов на ежегодных собраниях Ассоциации образования для частного предпринимательства, и я благодарен всем, кто участвовал в организации этих выступлений, особенно Брюсу Яндлу и Деби Гейт. Израэля Кирцнера и Марио Риццо я хочу поблагодарить за комментарии к главе 3, сделанные в ходе семинара в Нью-Йоркском университете. Дейв Хейкс высказал ценные замечания по поводу главы 12 в ходе сессии на конференции Экономической ассоциации Северо-Запада. Гурбачан Сингх любезно организовал семинар в Университете Джавахарлала Неру в Дели, посвященный главе 10. За плодотворное обсуждение на семинарах я благодарен студентам магистратуры Университета Джорджа Мейсона: Саймону Байло, Нику Кюротт, Гарри Дэвиду, Томасу Хогану, Уиллу Лютеру и Чаку Молтону.

За исторические справки, ссылки и письменные комментарии к разным главам я должен поблагодарить многих людей из многих мест, в том числе Ниру Бадхвар, Джона Бланделла, Брюса Колдуэлла, Балакришнана Чандрасекарана, Ричарда У. Фалмера, Стива Хорвица, Джеффа Хаммела, Дага Ирвина, Эккехарда Кёлера, Меира Кона, Шрути Раджагопалан, Марио Риццо, Джорджа Селджина, Гурбачана Сингха, Т.Н. Шринивасана и Джона Вуда. Особенно большую помощь своими предложениями оказал анонимный рецензент издательства Cambridge University Press.

Помощь в исследовательской работе мне оказывали Джой Баун и Алекс Молтер. Кайл О'Доннелл подготовил указатель.

Перед самым началом работы над этим проектом мне была пересажена почка от моего героического кузена Роджера Хитчера. Спасибо, Роджер! Мне было бы гораздо труднее напи-

сать что-либо и даже просто жить нормальной жизнью, если бы мне по-прежнему приходилось поддерживать ее с помощью гемодиализа.

Больше всего я благодарен своей жене Нире Бадхвар за любовь и поддержку.

Введение

За последнюю сотню лет мир стал свидетелем множества радикальных экспериментов в экономической политике: создания банковских систем с центральными банками в США и других странах; командной экономики в годы Первой мировой войны; коммунистического централизованного планирования в СССР, Китае и Восточной Европе; фашизма в Италии при Муссолини; национал-социализма в гитлеровской Германии: «нового курса» в США при Рузвельте; учреждения Бреттон-Вудской международной валютной системы и перехода к кейнсианской макроэкономической политике после Второй мировой войны; масштабной национализации в послевоенной Великобритании; возрождения принципов свободного рынка послевоенной Германии; пятилетних планов советского образца в Индии; полного отказа от золота в пользу системы плавающих курсов необеспеченных декретных (фиатных) валют; периодических переходов от регулирования к дерегулированию и обратно в разных частях мира; крушения коммунистической системы в России и Восточной Европе; рыночно-ориентированного экономического роста в странах, получивших название «восточноазиатских тигров», а затем в Китае и Индии; «неолиберальной» политики, направленной на поддержку глобализации экономической деятельности. В последние годы из-за цепочки неблагоприятных событий – «мыльного пузыря» на мировом рынке ипотечного кредитования с последовавшим крахом гигантских финансовых институтов, повлекшим за собой весьма дорогостоящие меры государственной финансовой помощи и национализации, в свою очередь породившие рекордные бюджетные дефициты и фискальные кризисы – вопросы денежной политики, регулирования, национализации и фискальной политики вновь вышли на авансцену управления экономикой в развитых странах.

За всеми этими разнонаправленными тенденциями в экономической политике стоит непрекращающаяся и зачастую драматичная борьба экономических идей. В последующих главах мы проследим связи между историческими событиями и спорами экономистов, а также между экономическими идеями и масштабными экспериментами в экономической политике. Чтобы понять, как эти идеи появлялись, развивались и принимали окончательную форму, мы будем выборочно углубляться в историю экономических доктрин – если потребуется, вплоть до Адама Смита.

Экономическая наука печально знаменита частными разногласиями по вопросам политики. Известный афоризм, приписываемый Джорджу Бернарду Шоу (впрочем, бездоказательно), гласит: «Даже если всех экономистов выстроить в затылок друг другу, каждый из них пойдет в собственном направлении». А поскольку именно разногласиям и посвящена эта книга, необходимо сразу же сделать оговорку. Экономическая мысль не сводится к тем ее частям, которые имеют непосредственное отношение к политическим мерам, и в прочих ее сферах разногласий меньше, а сотрудничества больше. Поскольку непрофессионалы намного реже слышат о деятельности экономистов, не связанной с политикой и сосредоточенной в основном на технических вопросах анализа и объяснения наблюдаемых экономических явлений, легко может возникнуть впечатление, что разногласия по поводу политических мер занимают больше места в работе типичного экономиста, чем это есть на самом деле. Экономист Джордж Стиглер как-то справедливо заметил:

Утверждение, что экономистам вовсе не свойственна привычка все время спорить по поводу тех или иных политических мер, большинству неэкономистов покажется невероятным, а немалому числу самих экономистов – неправдоподобным. Причина этого, на мой взгляд, кроется в том, что из всех аспектов экономической науки только о вопросах экономической

политики экономист и может говорить с непрофессионалами. Непосвященный просто не поймет... [специальных аспектов работы экономиста]. Статьи в профессиональных журналах, как правило, не имеют отношения к государственной политике – а зачастую и к реальному миру вообще¹.

Но, хотя большая часть экономической литературы адресована коллегам-экономистам, а не широкой публике, в этой книге внимание сосредоточено именно на тех частях экономической теории и эмпирических исследований, которые *связаны* с государственной политикой. В ее главах рассматривается содержание и влияние противостоящих друг другу позиций. Как мыслят и как спорят экономисты о важнейших вопросах экономической политики? Каким образом они время от времени оказывают влияние на политику и конструирование институтов?

Поскольку книга посвящена разделам экономической науки, имеющим отношение к политике, представляется естественным рассматривать политические вопросы один за другим в контексте важных исторических споров или практических экспериментов. Подобный подход противоположен тому, как строятся энциклопедические труды по истории экономической мысли, в которых мыслители рассматриваются один за другим в хронологическом порядке, начиная с античных авторов, схоластов или меркантилистов. Здесь же в каждой главе, если возникает необходимость объяснить, как экономисты пришли к тому или иному мнению по рассматриваемому вопросу, будут даваться ретроспективные вставки, посвященные развитию теории и спорам минувших столетий. Если подобный нелинейный подход нуждается в обосновании, то его сформулировал режиссер Квентин Тарантино в интервью британскому журналисту: «Когда я выстраивал нелинейный сюжет в „Бешеных псах“ и „Криминальном чтиве“, я не просто хотел показать, какой я умный мальчик. Способ, который я выбрал, лучше передает драматургию этих историй»². Историю интеллектуальных споров порой тоже можно рассказать наиболее ярко и живо с помощью ретроспективных вставок. Поэтому читателю не стоит представлять себе предлагаемую книгу как хронологическую мешанину с множеством отступлений. Воспринимайте ее как историю в духе Тарантино – только без ненормативной лексики, да и крови здесь будет чуть поменьше.

---

¹ Stigler G. The Economist as Preacher // The Essence of Stigler / Ed. by K.R. Leube, Th. Gale Moore. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1986. P. 305.

² Interview with Quentin Tarantino // Guardian. 1998. January 5.

Обзор содержания книги

Эпизоды и споры, которые рассматриваются в последующих главах, отбирались в соответствии с их исторической значимостью и способностью пролить свет на то, как формировались позиции сторон в важнейших нынешних разногласиях по вопросам экономической политики. Теоретические построения, связанные с практической политикой, редко рождаются в изолированной от мира «башне из слоновой кости» или исключительно в ответ на другие теории. Экономисты тоже читают газеты. Теории разрабатываются для решения животрепещущих вопросов и объяснения текущих событий. Именно поэтому в качестве фона для описания споров об экономической политике взята история последних ста лет.

В первой главе мы «расставляем декорации», описывая состояние экономической мысли накануне Первой мировой войны. В ней читателю будут представлены два экономиста, которые впоследствии еще не раз появятся на страницах книги – англичанин Джон Мейнард Кейнс и австриец Фридрих А. Хайек. Каждая из последующих глав начинается с описания серьезной экономической проблемы, которая порождала или возобновляла споры экономистов, либо политического эксперимента, в который они вносили свой вклад. В главе 2 анализируется вопрос «централизованное экономическое планирование *versus* система рыночных цен», поставленный со всей остротой большевистской революцией 1917 года и разрабатывавшийся в ходе важнейшей «дискуссии об экономическом расчете при социализме». В главе 3 докейнсианская теория экономического цикла, в частности теория, разработанная Хайеком и другими экономистами австрийской школы, рассматривается в свете бума «ревущих двадцатых», завершившегося крахом 1929 года. За этими событиями в первой половине 1930-х последовал политический эксперимент в США, получивший название «нового курса», и в главе 4 мы прослеживаем его происхождение, восходящее к институциональной школе в экономической теории, представленной в особенности идеями Рексфорда Г. Тагуэлла. Между тем Великая депрессия продолжалась. Глава 5 рассказывает о том, как изданная в 1936 году книга Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» произвела революцию в экономических представлениях о причинах спадов и бумов в экономике в целом.

В главе 6 мы сосредоточиваем внимание на книге совсем другого рода – «Дороге к рабству» Хайека, вышедшей в 1944 году, импульсом к написанию которой стала озабоченность автора опасностью сохранения централизованного планирования, введенного во время Второй мировой войны. В первые послевоенные годы разные страны стали проводить очень разную экономическую политику. В главе 7 описывается национализация, предпринятая лейбористским правительством в Великобритании, и показывается, что эта политика была связана с социалистическими идеями, неустанно развивавшимися и пропагандировавшимися Фабианским обществом в предшествующие шестьдесят лет. Глава 8 рассказывает историю организации с диаметрально противоположной политической позицией – Общества Мон-Пелерен (Mont Pèlerin Society), основанного Хайеком после войны для объединения интеллектуальных оппонентов социализма. В главах 9 и 10 рассматриваются примеры двух стран, двинувшихся в совершенно разных направлениях и достигших за последующие тридцать лет весьма различных результатов. Германия не без влияния некоторых экономистов из Мон-Пелерен избрала прорыночный путь и добилась процветания. Индия же под сильным воздействием идей фабианцев отдала предпочтение национализации и пятилетним планам советского образца – и процветания не достигла.

Следующие две главы посвящены послевоенному развитию событий в сфере валютных режимов и денежной политики. В главе 11 рассказывается о Бреттон-Вудской конференции, о том, как и почему Кейнс и другие экономисты, участвовавшие в ней, разработали концепцию международной валютной системы, уменьшавшей роль золота и дававшей больший простор

для дискреционной денежной политики на уровне отдельных стран. Бреттон-Вудская система рухнула в 1971 году по причинам, о которых у экономистов нет единого мнения. Ее крушение совпало с началом периода высокой инфляции, что, как показано в главе 12, создало благоприятные условия для возрождения и развития «монетаристских» идей в концепциях Милтона Фридмана и других ученых, бросивших вызов господствовавшему кейнсианству. В главе 13 мы обращаем внимание на разрастание государства в послевоенную эпоху и противопоставляем друг другу две основные экономические теории, отражающие различные взгляды на этот процесс: «оптимистичную» по отношению к государству теорию общественных благ и описывающую его с «циничной» точки зрения теорию общественного выбора. В главе 14 контекстом для анализа давнего спора между фритредерами и протекционистами выступает послевоенный рост международной торговли. В главе 15 рассматривается столкновение кейнсианцев и «неоклассиков» по поводу выгод и издержек, связанных с бюджетным дефицитом и государственным долгом. Спор о дефиците и долге естественным образом возобновился в связи с долговым кризисом 2010 года в Греции и Ирландии, распространившимся в 2011 году на Португалию и грозящим перекинуться на Италию и Испанию, а также в связи с ростом долгового бремени других государств, включая США и Великобританию.

Есть ли последствия у экономических идей?

Действительно ли столкновение идей в экономической науке имеет какое-то значение для выработки практической политики? Есть ли последствия у экономических идей? Экономисты спорят и об этом. И Кейнс, и Хайек считали, что экономические идеи оказывают глубокое влияние на государственную политику. В статье «Интеллектуалы и социализм» Хайек отмечал:

...Характер процесса, посредством которого интеллектуалы оказывают влияние на политику завтрашнего дня, имеет далеко не академический интерес. <...> То, что современному наблюдателю представляется битвой конфликтующих интересов, нередко бывает отражением давнишней схватки идей, в которой участвовали небольшие группы лиц³.

В свою очередь Кейнс в изданной в 1936 году книге «Общая теория занятости, процента и денег» заявил (этот пассаж по понятным причинам очень любят цитировать ученые-экономисты):

Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда они ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности именно они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад⁴.

Другие ученые оспаривают гипотезу Хайека и Кейнса. Так, великий итальянский экономист Вильфредо Парето в своей книге «Трактат по общей социологии» (изданной по-английски в 1935 году под названием «Разум и общество») сформулировал прямо противоположную точку зрения. По его мнению, политически доминирующие в обществе группы интересов рассчитывают, что именно наилучшим образом служит их благосостоянию в данных социально-политических условиях, и на основе этого расчета определяют как экономическую политику, избираемую правительством, так и экономические теории, одобряемые представителями академического мейнстрима. Научные теории – лишь ширма, никак не влияющая на выбор политического курса.

Свою мысль Парето проиллюстрировал на примере внешнеторговой политики. Когда мнение элиты, то есть «психологическое состояние, порождаемое в основном индивидуальными интересами – экономическими, политическими и социальными – и обстоятельствами, в которых живут люди», складывается в пользу протекционизма, утверждал он, в том же направлении в конечном итоге развернется и торговая политика страны. Одновременно «можно будет наблюдать изменения в [теории международной торговли], и в моду войдут новые теории, поддерживающие протекционизм». Поэтому «поверхностный наблюдатель может подумать, что [внешнеторговая политика] изменилась из-за того, что изменилась [теория международной торговли]», но на деле и то и другое изменилось вместе с интересами и обстоятельствами.

---

³ Hayek F.A. The Intellectuals and Socialism // Idem. Studies in Philosophy, Politics and Economics. New York: Simon & Schuster, 1969. P. 179 [Хайек Ф.А. Интеллектуалы и социализм // Он же. Капитализм и истории. Челябинск: Социум, 2012. С. 230]. Название моей книги подсказано этой фразой Хайека.

⁴ Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest, and Money. London: Macmillan, 1936. P. 383 [Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 340].

Идея, что теоретики влияют на лиц, принимающих политические решения, является иллюзией: «Таким образом... теоретические дискуссии не способны напрямую изменять» политику⁵.

Экономист из Чикагского университета Джордж Стиглер придерживался столь же скептической точки зрения. В своей известной статье «Экономист как проповедник» он призвал коллег оставить несбыточную надежду на то, что, разъясняя политикам преимущества экономической эффективности, они смогут убедить их отказаться от неэффективных решений. По мнению Стиглера, «предположение о том, что государственная политика зачастую бывает неэффективной потому, что основана на ошибочных идеях, представляется недостоверным», поскольку оно не позволяет объяснить, почему такие меры, как таможенные пошлины, действуют десятилетиями, хотя их последствия хорошо известны. Экономистам следует исходить из того, что политики стремятся не ко всеобщему процветанию, а преследуют собственные цели, и что пошлины представляют собой «целенаправленные действия», позволяющие политикам добиваться этих целей с «приемлемой эффективностью». В частности, «пошлины позволяют перераспределять доходы в пользу групп, обладающих значительным политическим влиянием, а не являются отражением непонимания обществом» аргументов о том, что свобода торговли способствует благосостоянию для всех⁶. Немного парадоксально, правда, выглядит тот факт, что сам Стиглер решил донести эту точку зрения до коллег-экономистов – ведь по его логике следует исходить из того, что своими настойчивыми «проповедями» они тоже преследуют собственные цели, продиктованные эгоистическими интересами.

В ответ на приведенные выше слова Кейнса о влиянии «академического писаки» один из последователей Парето заметил:

У политиков необычайно широкий выбор в том, что касается «писака», поскольку практически не существует гипотез, которые не были когда-то изложены кем-либо из так называемых экономистов. Поэтому факт остается фактом: именно политика, а не писателя следует считать тем активным фактором, который определяет тенденцию⁷.

Некоторые из рассматриваемых в главах этой книги примеров, пожалуй, соответствуют представлениям Парето – особенно те ситуации, когда теоретическое обоснование тех или иных политических шагов появлялось уже постфактум. Так, политики в борьбе с Великой депрессией начали прибегать к «кейнсианскому» дефицитному финансированию задолго до того, как появилась «Общая теория» Кейнса, к которой можно было бы апеллировать для обоснования такой политики. (Аналогичные идеи предлагались уже давно, но мало кто из авторитетных экономистов их поддерживал.) Другие же важные примеры скорее подтверждают мнение Кейнса и Хайека о том, что научные идеи имеют серьезные политические последствия: это отмена в 1846 году «хлебных законов» о пошлинах на ввозимое зерно в Великобритании (об этом речь пойдет в главе 14) и разработка первых программ в рамках «нового курса» в 1933 году (глава 4)⁸.

---

⁵ Pareto V. *The Mind and Society* / Ed. by A. Livingston, trans. by A. Bongiorno, A. Livingston. New York: Harcourt Brace, 1935. Vol. 1. P. 168.

⁶ Stigler G. Op. cit. P. 308–309.

⁷ Mering O. von. Some Problems of Methodology in Economic Thought // *American Economic Review*. 1944. March. Vol. 34. Part I. P. 97.

⁸ Критический анализ роли интеллектуалов и воздействия их идей см.: Sowell T. *Intellectuals and Society*. New York: Basic Books, 2010.

Структура интеллектуального производства

Продукция лесоводства – деревья, которые отправляются на лесопилки для переработки в доски, а оттуда на фабрики, где из них изготавливается мебель для конечного потребителя. Из утверждений Хайека и Кейнса следует, что структура интеллектуального производства устроена аналогичным образом. Экономисты, занимающиеся фундаментальной наукой, производят абстрактные идеи, затем исследователи, занимающиеся прикладной наукой, перерабатывают их в менее абстрактные идеи, после чего журналисты и другие интеллектуалы превращают их в научно-популярные книги, публицистические статьи и газетные колонки, радио- и телевизионные комментарии для потребителей – политиков и широкой общественности. Именно так описывают распространение кейнсианской экономической теории Джеймс М. Бьюкенен и Ричард Э. Вагнер: «Америка усваивала идеи кейнсианства поэтапно: сначала их поддержали экономисты из Гарварда, потом экономисты вообще, потом журналисты и, наконец, политическое руководство»⁹.

На первой стадии интеллектуального производства экономисты-теоретики, стремящиеся углубить познание мира, вырабатывают идеи, которые (как они надеются) другие исследователи сочтут полезными и новаторскими. О результатах своих изысканий они сообщают в статьях для научных журналов и в монографиях, публикуемых университетскими издательствами. Примеры таких работ, написанных «экономистами для экономистов», приводятся в разных главах книги: среди них «Общая теория занятости, процента и денег» Кейнса, «Чистая теория капитала» Хайека и «Теория потребительской функции» Милтона Фридмана. На следующей стадии, при проведении прикладных исследований, экономисты, работающие в университетах и аналитических центрах, стараются развить эти идеи, прежде всего сопоставляя их с историческими и статистическими данными, что, как они надеются, будет полезно и интересно журналистам и преподавателям экономики. Они публикуют книги для искушенных непрофессионалов, учебники и доклады. К числу таких работ относятся «Эссе об убеждениях» Кейнса, «Дорога к рабству» Хайека и «Капитализм и свобода» Фридмана.

На третьем этапе (разумеется, эта разбивка на этапы несколько произвольна) журналисты, а порой и сами экономисты сортируют и переформулируют результаты прикладных исследований таким образом, чтобы донести их до политических руководителей и широкой публики. Они читают лекции студентам, публикуют авторские статьи в газетах и журналах, ведут блоги и участвуют в ток-шоу на телевидении и радио. Так, лауреаты Нобелевской премии по экономике Милтон Фридман и Пол Самуэльсон были обозревателями журнала *Newsweek*. Ученик Фридмана Томас Соуэлл пишет колонки, публикуемые рядом периодических изданий, а ученик Самуэльсона Пол Кругман ведет колонку и блог в *New York Times*. (Конечно, Соуэлл и Кругман в этих статьях затрагивают не только экономическую тематику.) Экономист Джон Кеннет Гэлбрейт был автором ряда бестселлеров и документального сериала «Эпоха неопределенности» на канале PBS. Фридман в ответ создал на том же канале собственный сериал «Свобода выбора».

На последнем этапе производства и распределения экономических идей, когда они доходят до конечного потребителя, происходит их практическое воплощение в политические меры. Если мы расположим все эти этапы на вертикальной шкале, показывая, как идеи спускаются с теоретических высот (сразу вспоминается «башня из слоновой кости»), то политика окажется в самом низу, что некоторые, наверно, сочтут вполне адекватным. На деле же подобное изобра-

---

⁹ *Buchanan J.M., Wagner R.E. Democracy in Deficit. San Diego: Academic Press, 1977. P. 6.* Наиболее влиятельным гарвардским экономистом, применявшим и популяризовавшим кейнсианские идеи в послевоенный период, был Элвин Хансен (подробнее см. главу 15).

жение интеллектуальной деятельности необходимо, чтобы более наглядно проиллюстрировать мысль о том, что для понимания изменений в экономической политике нужно понять и предшествующее развитие событий в области экономических идей – от чистой теории и далее вниз.

Государство versus рынок

Столкновение идей, касающихся экономической политики, происходит тогда, когда их сторонники расходятся во взглядах на то, какую роль государство должно играть в экономике. Как подчеркивал хорошо поставленным дикторским голосом ведущий документального сериала «Командные высоты», показанного на PBS в 2002 году, двадцатый век

стал веком борьбы за то, кто будет контролировать командные высоты мировой экономики – государство или рынок; это – история интеллектуальных баталий по поводу того, какая экономическая система действительно способна принести благо человечеству¹⁰.

В этом случае выражение «командные высоты экономики», принадлежащее русскому революционеру Владимиру Ленину, по существу обозначает институты, которые управляют экономикой, определяя, куда пойдут инвестиционные ресурсы. Контролем государства над командными высотами считается общее руководство основными банками и отраслями экономики (при этом они не обязательно должны находиться в государственной собственности, если только регулирование осуществляется достаточно глубоко и детально), преобладание государственных облигаций на рынке долговых ценных бумаг, ограничение или отсутствие биржевой торговли акциями частных фирм и, возможно, наличие центрального органа экономического планирования.

Что же будет наилучшим образом направлять инвестиции к повышению благосостояния общества – конкурентные рынки, которыми движут безличные силы, определяющие прибыли и убытки, или государственное управление и контроль? Главное открытие экономической науки – ее величайший вклад в понимание общества, позволяющий избегать пагубных политических решений – заключается в том, что при наличии надлежащих условий экономический порядок, эффективно служащий целям его участников, возникает без какого-либо единого централизованного плана. По знаменитому выражению Адама Смита, инвесторов ведет «невидимая рука», направляющая их личную погоню за прибылью таким образом, что она вносит максимальный вклад в общее процветание экономики (без каких бы то ни было намерений с их стороны). В главе 8 мы детально проанализируем эту мысль Смита, а в главе 13 – рассмотрим современные аргументы, ее оспаривающие. Но споры о сравнительной надежности рынка и государства в качестве направляющего механизма экономики будут встречаться нам в каждой главе.

Необходимо отметить, что когда экономисты говорят слова «какая экономическая система действительно способна принести благо человечеству», они имеют в виду удовлетворение тех предпочтений людей, которые имеют место в конкретный момент, и не подразумевают моральное усовершенствование общества. Это позволяет им сосредоточиться на причинно-следственных связях и утверждениях вида «если... то...», для чего их профессиональная подготовка подходит наилучшим образом, и в то же время ловко обходить вопросы моральной философии. Когда экономист говорит «если государство вводит акциз на виски и обеспечивает его сбор, то это приводит к сокращению объема продаж данного напитка», речь идет о позитивном, или ценностно-нейтральном, утверждении. Оно остается верным как для слушателя, выступающего за то, чтобы продавцам и покупателям виски было позволено удовлетворять их предпочтения, так и для сторонника ограничения продаж виски с помощью налоговой политики в случае, если методы нравственного перевоспитания не действуют.

---

¹⁰ The Commanding Heights Episode One: The Battle of Ideas. См. расшифровку видео: [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitext/tr_show01.html].

Идеал «ценностной нейтральности», или «свободы от ценностных суждений» (порой обозначаемый немецким словом *wertfreiheit*), весьма уместен в «чистой» экономической науке. Но при выработке политических рекомендаций вряд ли можно избежать утверждений ценностного или нормативного характера. Политический комментатор, советы которого основаны на утверждении «государство не должно вмешиваться в процесс удовлетворения предпочтений потребителей в том виде, в котором они существуют в данный момент» или «высокий реальный душевой доход в обществе лучше, чем низкий», привносит тем самым нормативное утверждение, лежащее за рамками позитивной экономической теории независимо от того, вызывает оно само по себе возражения или нет. Зачастую экономисты не формулируют в явном виде нормативные утверждения, лежащие в основе их политических рекомендаций. Критик того или иного политического предписания может отвергать его нормативные предпосылки или позитивный анализ, на котором оно основано (либо и то и другое одновременно). Для большей ясности полезно определять, с чем именно он не согласен.

Большая степень удовлетворения предпочтений относится к тем аспектам жизни, о которых люди заботятся. Для большинства из них эти аспекты могут быть оценены на основе измеримых показателей, таких как улучшение питания, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, свободного времени и уровня материального комфорта, большее разнообразие развлечений, культурных и экологических благ. Если обозначить словом «процветание» изобилие средств, с помощью которых индивиды могут удовлетворять свои предпочтения, и предположить, что большинство людей предпочитает больший уровень собственного благосостояния меньшему, то главный вопрос экономического анализа, занимающегося тем, что важно для большинства людей, звучит так: какая экономическая система – та, при которой командные высоты контролируются государством, или та, при которой они контролируются рынком, – обеспечивает больший уровень процветания? Ответ на него зависит от ответов на другие вопросы, подлежащие анализу: каким образом и почему каждая из этих систем функционирует именно так, а не иначе? Экономисты, выступающие за свободный рынок с минимальным государственным вмешательством, как правило, формулируют проблему в виде однозначной дилеммы: за государственный контроль или против. Те же, кто считает, что государство должно играть в экономике большую роль, склонны формулировать проблему как задачу поиска наилучшего сочетания или баланса между рыночным и государственным контролем.

Социализм versus капитализм

Система государственного контроля над командными высотами экономики, финансовой системой и основными отраслями имеет простое название – *социализм*. Однако разновидностей социализма существует так же много, как и разных методов государственного контроля над командными высотами. Альтернативный же вариант, когда финансы и производство остаются в частных руках и направляются рыночными силами, такими как конкуренция, прибыль и убыток, спрос и предложение, система цен, более кратко именуется *капитализмом*. И с этим термином связано множество тонкостей. Противоположность социализму более точно определяется терминами «свободно-рыночный капитализм» или просто «свободная экономика», поскольку существуют такие выражения, как «кумовской капитализм» (*crony capitalism*) и «государственный капитализм», обозначающие индустриальную экономику, формируемую не рыночными силами, а государственным управлением.

Джеффри Сакс – экономист из Колумбийского университета, известный своими усилиями по убеждению правительств богатых стран предоставлять больше помощи бедным странам – подытожил результат шедших на протяжении XX века баталий по вопросам экономической политики следующим образом:

Частью реальности стала капиталистическая революция конца XX столетия. Рыночная экономика, капиталистическая система стали единственной моделью для подавляющего большинства стран мира¹¹.

В этом случае Сакс использует понятие «капиталистическая система» как вполне ценностно-нейтральный синоним для выражения «экономика, направляемая рынком». Разумеется, другие авторы вкладывали в него совершенно иной смысл. Карл Маркс в XIX веке, как известно, придавал термину «капиталистический строй», или просто «капитализм», однозначно негативное звучание. Подобно тому как монархия представляет собой режим, благоприятствующий обладающему привилегиями государю, а меркантилизм – режим, благоприятствующий привилегированным торговцам, «капитализм» в марксистском понимании – это режим, благоприятствующий привилегированным капиталистам, стремящимся к прибыли владельцам финансового богатства. Дэвид Н. Балаам и Майкл Весет отмечают, что выводы Ленина, как и Маркса, «основаны на предположении, что в силу самой природы капитализма финансовые и производственные структуры в различных странах перекошены в пользу владельцев капитала»¹². Подробнее взгляды Маркса мы рассмотрим в главе 2. Капитализм, как его понимал Маркс, подразумевает эксплуатацию рабочих капиталистами. Согласно его пророчествам, современный капитализм хотя и вытеснил средневековый феодальный строй благодаря намного более производительной системе, сам неизбежно уступит место социализму, а затем и коммунизму – системе, где править будут трудовые коммуны, а все ресурсы перейдут в коллективную собственность.

Из-за наличия у термина «капитализм» марксистских обертонов Хайек отмечал, что сам он использует его «крайне неохотно, так как его современные коннотации в значительной степени созданы... социалистической интерпретацией экономической истории». Позднее он объяснил, что этот термин «имеет тенденцию вводить в заблуждение, потому что при его использовании возникает образ системы, выгодной преимущественно для капиталистов, тогда как на деле она налагает на предприятия такую дисциплину, что управляющие пребывают в посто-

---

¹¹ Ibid.

¹² Balaam D.N., Veseth M. Introduction to International Political Economy / 2nd ed. New York: Prentice-Hall, 2001. P. 69.

янном напряжении и каждый норовит избавиться от нее»¹³. Для Хайека, как и для Адама Смита, распространение конкурентной рыночной экономики с децентрализованным и частным владением собственностью направлено на поддержку интересов простых работников и потребителей, а не бизнесменов как класса. Столкновение экономических идей не равнозначно столкновению политических групп интересов. Главная тема последующих глав этой книги – не конфликты по поводу того, чьим интересам должна служить экономика, а споры о том, как наилучшим образом обеспечить процветание типичного участника экономической системы.

---

¹³ *Hayek F.A. Introduction // Idem. Capitalism and the Historians. Chicago: University of Chicago Press, 1954 [Хайек Ф.А. Капитализм и историки]; Idem. Law, Legislation, and Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1973. Vol. 1. P. 62 [Он же. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 80].*

Глава 1

Отход от *laissez-faire*

Осенью 1905 года в престижном Кембриджском университете способный аспирант-математик по имени Джон Мейнард Кейнс первый и последний раз в своей жизни посещал лекции по экономической теории. Ему предстояло за восемь недель пройти соответствующий курс у знаменитого профессора Альфреда Маршалла. За лето Кейнс прочел последнее на тот момент (третье) издание книги Маршалла «Принципы экономической науки» – наиболее распространенный в англоязычных странах учебник по экономической теории, представлявший собой синтез классических и новых доктрин. Вскоре Маршалл весьма высоко оценил талант Кейнса как экономиста. Самого Кейнса тоже впечатлили собственные успехи. «Я думаю, что весьма в этом продвигаюсь, – поделился он с близким другом, добавив: – Так легко и приятно овладевать принципами этой деятельности». Неделью спустя он писал: «Маршалл непрерывно пристает ко мне, чтобы я стал профессиональным экономистом»¹⁴.

А в последние месяцы Первой мировой войны затишье между боями на позициях австрийской армии у берегов реки Пьяве в Северной Италии дало возможность молодому лейтенанту по имени Фридрих Август фон Хайек впервые в жизни познакомиться с экономическими текстами (социалистические брошюры, что он прочел в студенческие годы, не в счет). Это были две книги, которые дал ему на время офицер-однополчанин. Позднее Хайек недоумевал, как эти тексты не привили ему «устойчивую неприязнь к этой науке», поскольку они представляли собой «наихудшие из возможных образцов экономических сочинений». Вернувшись после войны в Венский университет, молодой ветеран открыл для себя книгу к тому времени уже ушедшего в отставку профессора Карла Менгера и «по-настоящему заболел» экономикой. Труд Менгера «Основания политической экономии» (*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*), вышедший в 1871 году, стал одной из отправных точек маржиналистско-субъективистской революции в экономической теории – той самой, что дала Маршаллу новые идеи для его синтеза. Для Хайека эта книга оказалась «необыкновенно захватывающей и убедительной»¹⁵.

Кейнсу и Хайеку суждено будет сыграть ведущую роль в столкновении экономических идей во время Великой депрессии. С тех пор их идеи проходят красной нитью через все важнейшие дискуссии об экономической политике. В 2010 и 2011 годах интеллектуальное соперничество двух ученых даже стало темой двух популярных видеороликов в стиле рэп-баттлов¹⁶.

---

¹⁴ Skidelsky R. John Maynard Keynes. London: Macmillan, 1983. Vol. 1. P. 165–166 [Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс, 1883–1946: Экономист, философ, государственный деятель. М.: Московская школа политических исследований, 2005. Т. 1. С. 201].

¹⁵ Hayek F.A. Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue / Ed. by S. Kresge, L. Wenar. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 47–48. Авторы двух «наихудших» экономических текстов Хайек называет только по фамилии – Грюнцль и Йенч. Возможно, он имел в виду следующие книги: Grunzel J. Grundriss der Wirtschaftspolitik. Vienna: Holder, 1909–1910; и Jentsch C. Grundbegriffe und Grundsätze der Volkswirtschaft. Leipzig: Grunow, 1895.

¹⁶ «Fear the Boom and Bust» и «Fight of the Century», авторы – Джон Папола и Расс Робертс. Ролики размещены в интернете на сайте [econstories.tv]. Первый из них набрал более 800 000 просмотров в течение месяца после публикации на YouTube в январе 2010 года. В июле 2011 года их число достигло 2,5 миллиона, а количество просмотров второго ролика, опубликованного в апреле 2011 года, превысило миллион.

Джон Мейнард Кейнс

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) был сыном английского экономиста Джона Невилла Кейнса. В Кембриджском университете, где преподавал его отец, он изучал математику, но кроме того интересовался философией и, как уже упоминалось, прослушал курс лекций Маршалла по экономике. После недолгого пребывания на государственной службе Кейнс благодаря покровительству Маршалла в 1909 году начал преподавать на кафедре экономики в Кембридже, а через два года занял должность редактора *Economic Journal*. В 1915 году он стал консультантом, а затем и сотрудником Министерства финансов Великобритании. Через четыре года, в возрасте тридцати шести лет, Кейнс вошел в состав британской делегации на Парижской мирной конференции в Версале, подведшей итоги Первой мировой войны. Книга «Экономические последствия Версальского мирного договора» (1919), в которой он описывал конференцию глазами участника и давал критическую оценку договора, принесла ему широкую известность.

Следующие тридцать лет Кейнс писал книги и статьи, читал лекции в Кембридже, редактировал *Economic Journal*, спекулировал на лондонских финансовых рынках и консультировал британское правительство¹⁷. Во всех этих занятиях Кейнс, по словам Дэниела Ергина и Джозефа Станислава, демонстрировал «блестящий и разносторонний ум... в сочетании с неизменным социальным и интеллектуальным бунтарством, вспыльчивостью и богемным образом жизни, подобающим эстету – жителю Блумсбери»¹⁸. Хотя в молодости он завязывал сексуальные отношения почти исключительно с мужчинами¹⁹, примерно в 1922 году Кейнс удивил своих друзей-блумсберийцев, сблизившись с русской балериной Лидией Лопуховой. В 1925 году они поженились и жили счастливо до самой его кончины.

В «Трактате о денежной реформе» (1923) Кейнс выступил против возврата к золотому стандарту на основе довоенного паритета, вполне разумно полагая, что это приведет к болезненной дефляции цен и заработной платы. Вместо этого, по его мнению, центральный банк должен был ввести плавающий валютный курс, перейдя к таргетированию уровня цен. В двухтомнике «Трактат о деньгах» (1930), опубликованном вскоре после начала Великой депрессии, Кейнс изложил теорию экономического цикла, частично опирающуюся на труды его учителя Альфреда Маршалла и шведского экономиста Кнута Вика. Хайек в обширной двухчастной рецензии подверг эту книгу суровой критике. Кейнс снова взялся за перо и написал свою самую известную работу – «Общую теорию занятости, процента и денег» (1936). В ней он утверждал, что текущий объем совокупного продукта экономики определяется текущим совокупным спросом, а наиболее волатильным компонентом совокупного спроса являются текущие расходы на инвестиции. Кейнсовский диагноз причин Великой депрессии сводился к одному: инвесторы утратили самообладание. Предлагаемый же им рецепт заключался в том, что государство должно увеличить собственные расходы, чтобы тем самым подстегнуть совокупный спрос и особенно инвестиции. Эту теорию и предшествовавшие ей идеи мы подробнее рассмотрим в главе 5.

---

¹⁷ Подробное хронологическое описание карьеры Кейнса см. на сайте: [www.maynardkeynes.org/keynes-career-timeline.html]. Его наиболее авторитетной биографией является трехтомный труд: Skidelsky R. John Maynard Keynes. London: Macmillan, 1983–2000. Vol. 1–3 [Скидельски Р. Указ. соч.]. Существует и сокращенный, однотомный вариант этой книги, опубликованный нью-йоркским издательством Penguin в 2005 году.

¹⁸ Yergin D., Stanislaw J. The Commanding Heights: The Battle for the World Economy. New York: Simon & Schuster, 2002. P. 40. Блумсбери – фешенебельный район Лондона.

¹⁹ Свои любовные связи Кейнс фиксировал в тайных дневниках. Некоторые подробности можно узнать из приложения «A Key for the Prurient: Keynes's Loves, 1901–15» к книге: Moggridge D.E. Maynard Keynes: An Economist's Biography. London: Routledge, 1992.

Фридрих А. Хайек

Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) тоже родился в интеллигентной семье – его отец был профессором ботаники в Венском университете. Отслужив по мобилизации последний год Первой мировой войны на итальянском фронте, он вернулся домой и занялся изучением экономики и психологии в Венском университете. В конечном итоге он остановил свой выбор на экономике, отчасти потому, что с таким образованием было легче найти хорошую работу. Его преподавателем был Фридрих фон Визер – последователь одного из основателей неоклассической экономической теории Карла Менгера (его идеи мы рассмотрим в главе 8). Окончив курс, Хайек начал работать под руководством ведущего венского экономиста Людвиг фон Мизеса. Взяв неоплачиваемый отпуск с марта 1923 по май 1924 года, он посетил США, где познакомился со многими видными американскими экономистами того времени. После возвращения в Вену Хайек возглавил основанный Мизесом научно-исследовательский институт, занимавшийся изучением экономических циклов.

В студенческие годы Хайек симпатизировал социализму, но затем на его взгляды оказала глубокое влияние критическая работа Мизеса «Социализм» (1922). Позднее он подкрепил аргументы Мизеса собственной критикой современных ему идей «рыночного социализма» (см. главу 2). Сборник статей Хайека «Индивидуализм и экономический порядок» (1948), помимо критики рыночного социализма, включал важные статьи, посвященные ключевой роли рыночных цен как сигналов, позволяющих обществу координировать усилия миллионов людей, децентрализованно принимающих решения. Он обращал особое внимание на то «чудо», которое совершает система цен, формируя сложный экономический порядок, координирующий миллионы планов и элементов «рассеянного знания» и обеспечивающий тем самым эффективное использование ресурсов – причем без какого-либо замысла, исходящего из единого центра²⁰.

Ранние работы Хайека были посвящены в основном проблеме циклов деловой активности. В частности, он написал книги «Денежная теория и деловой цикл» (немецкое издание вышло в 1929 году, английский перевод – в 1933 году) и «Цены и производство» – последняя основывалась на цикле лекций, которые Хайек прочел в Лондонской школе экономики (LSE) как приглашенный преподаватель, и была опубликована в 1931 году на английском языке. После этого курса Хайек был приглашен на факультет экономики LSE, который возглавлял Лайонел Роббинс, и преподавал там до 1950 года. Согласно хайековской теории делового цикла, базирующейся в первую очередь на предшествующих трудах Мизеса и Викселля, движущей силой экономического бума является искусственно дешевый кредит. (Надо отметить, что и Хайек, и Кейнс опирались на научное наследие Викселля, но использовали разные его части.) Подпитываемый кредитом бум неизбежно заканчивается кризисом, поскольку заниженная процентная ставка (а в таком состоянии она не может оставаться долго) делает привлекательными такие виды инвестиций, которые оказываются неприбыльными после того, как она с неизбежностью повышается до равновесного уровня. Подробнее эту теорию и ее предшественниц мы рассмотрим в главе 3. Книга «Цены и производство» подверглась резкой критике со стороны Кейнса и ряда других авторов. Хайек же продолжил свою работу, опубликовав в 1939 году книгу «Прибыль, процент и инвестиции», а в 1941-м – «Чистую теорию капитала».

---

²⁰ Научную биографию Хайека см. в книге: *Caldwell B. Hayek's Challenge*. Chicago: University of Chicago Press, 2004. См. также: *O'Driscoll Jr. G.P. Economics as a Coordination Problem: The Contributions of Friedrich A. Hayek*. Kansas City: Sheed Andrews & McMeel, 1977; *Steele G.R. The Economics of Friedrich Hayek*. New York: St. Martin's Press, 1993. Воспоминания самого Хайека см.: *Hayek F.A. Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue* / Ed. by S. Kresge, L. Wenar. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Во время Второй мировой войны Хайек написал самую известную свою работу – научно-популярную книгу «Дорога к рабству» (1944). В ней он предостерегал об угрозах личной и общественной свободы, порождаемых централизованным планированием (см. главу 6). В 1947 году он основал Общество Мон-Пелерен, надеясь, что эта организация объединит тех немногих интеллектуалов, которые остались верны классическому либерализму и разделяли его тревогу в связи с тенденцией к усилению роли государства в экономике и обществе (см. главу 8).

После того как его научные интересы сместились с чистой экономической теории в сторону социальной философии, а также после решения расстаться с первой женой и вступить в новый брак (из-за чего испортились его отношения с Роббинсом) Хайек в 1950 году занял должность в Комитете по общественной мысли Чикагского университета²¹. В Чикаго он написал «Конституцию свободы» (1960) – труд, где излагалась его политическая философия, находившаяся в русле классического либерализма. В 1962 году Хайек вернулся в Европу, став профессором Фрайбургского университета в Германии. В 1974 году он получил премию Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля (далее мы будем пользоваться сокращенным названием «Нобелевская премия по экономике»). Двумя годами позже, в возрасте 77 лет, Хайек опубликовал монографию с весьма радикальной идеей, выраженной в самом ее названии – «Частные деньги». В своем последнем труде «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма», изданном в 1989 году, он вернулся к теме социализма²².

---

²¹ Второй женой Хайека стала его кузина Элен, предмет его подростковой влюбленности. Многие годы они переписывались, а в 1946 году снова встретились в Вене. Весенний семестр 1951 года Хайек провел в Университете Арканзаса, чтобы воспользоваться либеральным законом о разводе, действовавшим в этом штате. Подробнее о разводе Хайека см.: *Ebenstein A. Hayek's Journey: The Mind of Friedrich Hayek*. New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 123.

²² *Hayek F.A. The Denationalisation of Money* / 2nd ed. London: Institute of Economic Affairs, 1978 [*Хайек Ф.А. Частные деньги*. М.: Институт национальной модели экономики, 1996]; *Idem. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism* / Ed. by W.W. Bartley III. Chicago: University of Chicago Press, 1988 [*Он же. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма*. М.: Новости, 1992].

Кейнс о конце *laissez-faire*

Кейнс категорически отвергал доктрину Адама Смита о «невидимой руке». В лекции, прочитанной в 1924 году и двумя годами позже изданной в качестве статьи под названием «Конец *laissez-faire*», он заявил:

Властью, данной свыше, совпадение частных и общественных интересов не предусматривается. Управление «снизу» не обеспечивает их совпадения на практике. Было бы *неверным* считать, что просвещенный эгоизм обычно действует в общественных интересах; это ложный вывод из принципов экономики. *Неверно* также, что личная корысть обычно оказывается просвещенной; гораздо чаще индивиды, действующие самостоятельно во имя достижения своих собственных целей, слишком невежественны или слишком слабы, чтобы достичь даже их²³.

В частности, Кейнс отрицал, что децентрализованные рыночные силы являются адекватным средством определения величины и направлений использования накоплений и инвестиций:

Я считаю, что мы должны разумно подойти к решению вопросов о том, к какой норме сбережений на уровне общества в целом нам следует стремиться, какая доля сбережений должна направляться за границу в форме инвестиций, способна ли нынешняя организация инвестиционного рынка обеспечить эффективное распределение сбережений. Я не думаю, что эти вопросы должны быть полностью оставлены на усмотрение частного бизнеса и решаться из соображений частной выгоды, как это происходит сейчас²⁴.

В «Общей теории» Кейнс уделит особое внимание своей идее, что нельзя рассчитывать на то, что рыночные силы обеспечат достаточно большой совокупный объем инвестиций. Контроль должно осуществлять просвещенное государство.

---

²³ Keynes J.M. The End of Laissez-Faire // Idem. Essays in Persuasion. New York: W.W. Norton, 1963. P. 312 [Кейнс Дж. Конец *laissez-faire* // Он же. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 379–380].

²⁴ Ibid. P. 318–319 [Там же. С. 383].

Кейнс и Хайек о роли государства

Кейнс был одним из ведущих сторонников точки зрения, что государство должно в большей степени управлять экономикой. Хайек же был одним из ведущих сторонников противоположного тезиса – что государству следует меньше вмешиваться в действие рыночных сил. Мы рассматриваем их здесь в качестве представителей противоборствующих сторон спора потому, что они пользовались широким влиянием, а не потому, что они занимали наиболее радикальные позиции. Так, Кейнс, в отличие от теоретиков коммунизма, не требовал ликвидации рынка. Он прямо отвергал русский коммунизм по трем причинам: (1) коммунистическая идеология «безразлична к нарушениям свободы и безопасности в повседневной жизни»; (2) марксистская экономическая теория, на которую опирается русский коммунизм, «похожа на устаревший учебник по экономике, не просто научно неправильный, но читаемый без всякого интереса и к современному миру неприменимый», а марксистская литература в целом представляет собой «туманный вздор»; и (3) коммунизм «возвышает грубый пролетариат над буржуазией и интеллигенцией» – то есть глумится над такими людьми, как сам Кейнс и его круг²⁵. Хайек, со своей стороны, не выступал за упразднение государства, как это делают анархо-капиталисты (да, есть люди, серьезно выступающие за безгосударственную рыночную экономику²⁶).

На протяжении большей части XX века среди людей, формирующих общественное мнение, превалировала идея Кейнса об усилении роли государства в экономике. И эта роль действительно усиливалась. Хотя Кейнс и не выступал за *всеобъемлющее* государственное планирование, он поддерживал *расширение* планирования. В письме к Хайеку, отвечая на его критику государственного планирования в «Дороге к рабству», Кейнс писал:

Полагаю, что нам необходимо не отсутствие планирования и даже не его сокращение; более того, я убежден, что нам почти наверняка нужно больше планирования²⁷.

В «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) Кейнс призывал к «достаточно широкой социализации инвестиций», полагая, что это является «единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости». Здесь в фокусе его внимания находятся не детали аллокации ресурсов, а агрегированные величины в масштабе всей экономики. Он подчеркивал, что его предложение о «социализации инвестиций» не означает полного государственного социализма в смысле прямой государственной собственности на предприятия:

Не собственность на орудия производства существенна для государства. Если бы государство могло определять общий объем ресурсов, предназначенных для увеличения орудий производства и основных ставок вознаграждения владельцев этих ресурсов, этим было бы достигнуто все, что необходимо²⁸.

---

²⁵ Keynes J.M. A Short View of Russia // Idem. Essays in Persuasion. P. 299–300 [Кейнс Дж. Беглый взгляд на Россию // Он же. Общая теория занятости, процента и денег. С. 916].

²⁶ Важнейшие авторы, представляющие это направление, – Мюррей Ротбард и Дэвид Фридман; см.: Rothbard M.N. For a New Liberty / Rev. ed. New York: Collier, 1978 [Ротбард М. К новой свободе. М.: Новое издательство, 2009]; Friedman D.D. The Machinery of Freedom. Chicago: Open Court, 1989. Первая треть известной работы Роберта Нозика по политической философии «Анархия, государство и утопия» посвящена опровержению идей анархо-капиталистов; см.: Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974 [Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008]. Идеи сторонников и критиков этой точки зрения изложены в книге: Anarchy and the Law / Ed. by E.P. Stringham. Oakland, CA: Independent Institute, 2007.

²⁷ Keynes J.M. The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by E. Johnson, D. Moggridge. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. Vol. 27. P. 387.

²⁸ Idem. The General Theory of Employment, Interest, and Money. London: Macmillan, 1936. P. 377–378 [Кейнс Дж. Общая

Если государство способно иным способом обеспечить нужный объем совокупных инвестиционных расходов, владеть предприятиями ему незачем. Кейнс считал, что объем инвестиций должен быть больше, чем, по его мнению, способен обеспечить рынок. Чем больше объем инвестиций, тем ниже уровень их доходности. Результатом, прогнозировал Кейнс, будет «эвтаназия рантье» (людей, живущих на процентный доход от капитала) и «эвтаназия все более усиливающегося гнета капиталистов», то есть политика, обеспечивающая такое снижение доходности, – возможно, даже до нуля, – когда ни один владелец богатства не сможет жить исключительно на доходы от инвестиций²⁹.

Кроме того, Кейнс предлагал усилить роль государства на рынке труда. В статье, опубликованной в 1925 году, он задавался вопросом о том, «должна ли заработная плата устанавливаться силами спроса и предложения, как предписывают ортодоксальные теории *laissez-faire*, или нам следует ограничивать свободу действия этих сил соображениями „справедливости“ и „разумности“ с учетом всех обстоятельств»³⁰.

теория занятости, процента и денег // Он же. Общая теория занятости, процента и денег. С. 336–337].

²⁹ Ibid. P. 376 [Там же. С. 335]. Аллан Мелцер подчеркивает, что «Кейнс с середины 1920-х годов выступал за государственное руководство инвестиционными процессами», и расценивает «Общую теорию» как попытку Кейнса теоретически обосновать это давно сложившееся мнение (*Meltzer A.H. Keynes's Monetary Theory: A Different Interpretation. New York: Cambridge University Press, 1988*).

³⁰ *Keynes J.M. Am I a Liberal? // Idem. Essays in Persuasion. P. 333.*

Политическая экономия в эпоху прогрессизма в США

Разумеется, Кейнс отнюдь не был основоположником экономических идей, предусматривающих усиление роли государства в экономической жизни. Более того, они возникли даже не в XX веке. Так, в конце XIX столетия в США начался период идеологических изменений, направленных на активизацию государства, – сейчас это время называют «эпохой прогрессизма» (Progressive era). Важную роль в идейно-политическом движении, о котором идет речь, сыграл целый ряд экономистов – они разрабатывали аргументацию и способствовали принятию законов, усиливших роль федерального правительства в экономической жизни, от анти-трестовского закона Шермана (1890) и закона о доброкачественности пищевых продуктов и медицинских препаратов (1906) до закона о Федеральной резервной системе (1913). По словам Томаса Леонарда, «после 1890 года за три-четыре десятилетия экономическая теория в США превратилась в науку, поставляющую политических экспертов, а ученые-экономисты сыграли одну из ведущих ролей в значительном расширении участия государства в американской экономике»³¹.

Во второй половине 1870-х и в 1880-х годах молодые американские экономисты, возвращаясь после обучения в Германии, привозили с собой идеи и подходы, на основе которых они затем сформировали научную школу, получившую название институционализма. В 1885 году группа этих ученых во главе с преподавателем Университета Джонса Хопкинса Ричардом Т. Эли, которому на тот момент был 31 год, создала Американскую экономическую ассоциацию (АЭА). Ассоциация быстро превратилась в ведущую профессиональную организацию американских экономистов (и остается таковой по сей день), но одной из ее первоначальных целей было объединение противников идей *laissez-faire*. В ее учредительном «Заявлении о принципах» подчеркивалась роль «государства как организации, чье конкретное содействие является одним из неперенных условий прогресса человечества»³². Позднее Эли и другой экономист, Джон Р. Коммонс, в качестве лидеров Американской ассоциации за трудовое законодательство (ААТЗ) оказали немалое влияние на реформы политики занятости в эпоху прогрессизма. ААТЗ была создана в 1906 году, Эли стал ее первым президентом, а Коммонс вскоре занял пост секретаря³³.

Эли и его соотечественники считали себя представителями «новой школы», находящейся в оппозиции к классической и неоклассической экономической теории, а также к доктрине *laissez-faire*. В 1886 году Эли писал о «споре между экономистами старой школы», то есть приверженцами классической и неоклассической теории и сторонниками *laissez-faire*, и экономистами «новой школы в Америке», имея в виду своих единомышленников – институционалистов и прогрессистов. Теоретиков «новой школы» он характеризовал как правдоискателей от науки, чьи исторические исследования позволили сделать вывод о позитивной роли профсоюзов и забастовок, найти в социализме «важные и плодотворные истины, прежде, увы, остававшиеся без внимания» и «опровергнуть многие почитаемые догмы» традиционной теории финансов. В результате появились «политэкономы, преподающие доктрины, которые отличаются от теорий, прежде разделявшихся наиболее влиятельными элементами общества».

---

³¹ Leonard T.C. Eugenics and Economics in the Progressive Era // Journal of Economic Perspectives. 2005. Autumn. Vol. 19. P. 207.

³² Подробнее о биографии Эли и его влиянии см.: Rader B.G. The Academic Mind and Reform: The Influence of Richard T. Ely in American Life. Lexington: University Press of Kentucky, 1966. «Заявление о принципах» АЭА цит. по: Bateman B.W., Kapstein E.B. Between God and the Market: The Religious Roots of the American Economic Association // Journal of Economic Perspectives. 1999. Fall. Vol. 13. № 4. P. 253. Об институционализме и его немецких корнях мы расскажем в главе 4.

³³ Moss D.A. Socializing Security: Progressive Era Economists and the Origins of American Social Policy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996; Chasse J.D. The American Association for Labor Legislation: An Episode in Institutionalist Policy Analysis // Journal of Economic Issues. 1991. September. P. 799–828.

Подробнее на ту же тему Эли высказался в монографии, изданной в 1884 году, где он напрямую связал американскую «новую школу» с доктринами немецкой исторической школы в экономической науке³⁴.

В то же десятилетие в Великобритании аргументация против *laissez-faire*, выдвигавшаяся идущими в ногу со временем экономистами, строилась в основном на выявлении теоретических исключений из правил, а не на исторических исследованиях. Генри Сиджвик в «Принципах политической экономии» (1-е изд. – 1883, 2-е изд. – 1887) отмечал, что хотя большинство современных комментаторов по экономическим вопросам по-прежнему считают доводы в пользу *laissez-faire* в сфере международной торговли, то есть в пользу одностороннего введения свободы торговли, «столь же очевидными и неоспоримыми, как математическое доказательство», эта сфера представляет собой исключение, и «лишь немногие фанатики сегодня могли бы использовать подобные формулировки при обсуждении каких-либо других конкретных приложений общей доктрины *laissez-faire*». Прежние представления о том, «что личные интересы индивидов всегда будут направлять их к производственной деятельности, наиболее способствующей обогащению и благосостоянию общества, к которому они принадлежат», и связанная с ними убежденность в «гармонии интересов каждого в отдельности промышленного класса и интересов всего общества», заявлял Сиджвик, «в нашу эпоху утратили свое влияние на умы». Вместо этого «экономисты в целом признают необходимость вмешательства государства для развития производства», по крайней мере в некоторых случаях³⁵.

Сиджвик был одним из ведущих утилитаристов. Доктрина утилитаризма – основная идея которой состоит в том, что нам следует стремиться к наибольшему счастью для наибольшего числа людей – стала набирать популярность после выхода «Введения в основания нравственности и законодательства» Иеремии Бентама (1789). В начале XIX века идеи Бентама активно развивал Джеймс Милль. Хотя сами Бентам и Милль считали свободный рынок наилучшим средством достижения максимального счастья, утилитаризм, по сути дела, предписывал экономистам не присваивать преимущественного статуса никаким политическим принципам вроде *laissez-faire*. Вместо этого каждую предлагаемую государственную меру они должны анализировать прагматически, выясняя, будут ли социальные выгоды от ее реализации превосходить социальные издержки. Руководствуясь утилитаристским подходом, экономисты классической школы второй половины XIX века, такие как Джон Стюарт Милль и Генри Сиджвик, начали рассматривать все большее количество сфер деятельности как исключения из *laissez-faire*, где государство вполне могло бы способствовать росту чистой социальной выгоды³⁶.

³⁴ Ely R.T. Introduction // Adams H.C. et al. Science Economic Discussion. New York: Science Co., 1886. P. v—x; The Past and Present of Political Economy / Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. Baltimore: Johns Hopkins University, 1884.

³⁵ Sidgwick H. Principles of Political Economy / 2nd ed. London: Macmillan, 1887. P. 487–488. В главе 14 мы рассмотрим аргументы Сиджвика о свободе торговли как теоретическом исключении.

³⁶ О роли утилитаризма Бентама в падении популярности идей *laissez-faire* у британских экономистов после Адама Смита см.: Frankel Paul E. Moral Revolution and Economic Science: The Demise of Laissez-Faire in Nineteenth-Century British Political Economy. Westport, CT: Greenwood Press, 1979. В главе 7 мы уделим больше внимания этому сюжету.

Кейнс был не первым, кто отвернулся от идей *laissez-faire*

Тот факт, что еще до 1930 года многие экономисты выдвигали аргументы против *laissez-faire* и поддерживали прогрессистское движение, может удивить тех, кто считает, что профессионалы-экономисты практически всегда, или хотя бы до Кейнса, выступали за свободу рынка. Однако, хорошо это или плохо, но приверженность доктрине *laissez-faire* как экономистов периода до начала Великой депрессии, так и современных сильно преувеличивается³⁷. Примером такого преувеличения применительно к прошлому служит следующее высказывание нобелевского лауреата 2009 года и обозревателя New York Times Пола Кругмана:

До того как Джон Мейнард Кейнс в 1936 году опубликовал «Общую теорию занятости, процента и денег», в экономической теории, по крайней мере в англоязычных странах, полностью господствовало ортодоксальное учение о свободном рынке. Конечно, периодически возникали ереси, но они всегда подавлялись. Как писал Кейнс в 1936 году, классическая экономическая теория «покорила Англию столь же полно, как Святая инквизиция покорила Испанию». И ее представители утверждали, что решение почти всех проблем состоит в том, чтобы дать возможность силам спроса и предложения сделать свое дело³⁸.

Сам Кейнс задолго до 1936 года был склонен преувеличивать популярность *laissez-faire*. В статье «Конец *laissez-faire*» (1926) он утверждал, что именно таковы «на протяжении последних пятидесяти лет были позиции всех ведущих экономистов», хотя и признавал, что Альфред Маршалл – который, как должен был знать Кейнс, был ведущим экономистом этого периода – обращал внимание на случаи, когда «частные и общественные интересы не совпадают». В некрологе на смерть Маршалла, опубликованном в том же году, Кейнс представил более точную картину. Отметив «глубокое сочувствие Маршалла социалистическим идеям», он добавил:

Приведенное Маршаллом доказательство того, что при определенных условиях принцип *laissez-faire*, рассматриваемый как принцип максимальной общественной выгоды, оказывается несостоятельным не только практически, но и теоретически, имело огромное философское значение. Но Маршалл недостаточно глубоко развил это конкретное доказательство, и дальнейшее исследование данной проблемы выпало на долю любимого ученика и преемника Маршалла, профессора Пигу³⁹.

Еще до 1936 года роль государства в британской и американской экономике чрезвычайно усилилась, особенно в эпоху прогрессизма, во время Первой мировой войны и на начальном этапе «нового курса» (в 1933–1935 годах). Из тезиса Кейнса—Кругмана вытекает, что

³⁷ Данные современных опросов, свидетельствующие о том, что позицию *laissez-faire* сегодня поддерживает лишь незначительное количество экономистов, и обсуждение, почему ее распространенность зачастую преувеличивается, см.: Klein D.B., Stern Ch. Is There a Free-market Economist in the House? The Policy Views of American Economic Association Members // American Journal of Economics and Sociology. 2007. April. Vol. 66. P. 309–334.

³⁸ Krugman P. Who Was Milton Friedman? // New York Review of Books. 2007. February 15. Vol. 54. № 2 [www.nybooks.com/articles/19857]. Подобную характеристику Кейнса как первого критика экономической теории, выступающей с позиций свободного рынка, трудно совместить с другим, более поздним, утверждением самого Кругмана: «Правые всегда считали экономическую концепцию Кейнса левой доктриной, хотя на самом деле она ничего общего с левизной не имеет». См.: Krugman P. Bombs, Bridges, and Jobs // New York Times. 2011. October 30.

³⁹ Keynes J.M. The End of Laissez-Faire [Кейнс Дж. Конец *laissez-faire*. С. 375]; Idem. Alfred Marshall, 1842–1924 // Economic Journal. 1924. Vol. 34. P. 352 [Он же. Альфред Маршалл, 1842–1924 // Он же. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007. С. 36]. В главе 13 мы рассмотрим аргументы Кейнса—Пигу по поводу «провалов рынка». *Примечания к главе 1*

это усиление имело место, несмотря на единодушное противодействие ведущих экономистов. В реальности же на протяжении пятидесяти-шестидесяти лет, предшествовавших 1936 году, многие ведущие англоязычные экономисты активно распространяли идеи, еретические с точки зрения свободного рынка. Они вовсе не находились на периферии экономической науки, и нельзя сказать, что их взгляды «всегда подавлялись». (Конечно, профессиональное сообщество экономистов всегда маргинализировало «еретиков-дилетантов», но не столько из-за их политических идей, сколько именно из-за их дилетантизма.) Эли, Коммонса, Сиджвика, Маршалла и Пигу никто не вытеснял и не подавлял. К этому перечню можно добавить и ведущего американского экономиста-теоретика Ирвинга Фишера, взгляды которого на экономическую политику мы рассмотрим в следующем разделе, и Фреда М. Тейлора, чей доклад по случаю его избрания президентом Американской экономической ассоциации в 1929 году был озаглавлен «Управление производством в социалистическом государстве»⁴⁰.

---

⁴⁰ *Taylor F.M. The Guidance of Production in a Socialist State // American Economic Review. 1929. March. Vol. 19. P. 1–8.*

Альфред Маршалл и Ирвинг Фишер о *laissez-faire*

Свою позицию Альфред Маршалл четко изложил в выступлении перед британскими экономистами в 1907 году. Он отметил, что в глазах Джона Стюарта Милля (1806–1873), самого видного британского экономиста третьей четверти XIX века, «сфера, в которой вмешательство государства ради повышения общего благосостояния могло привести к успеху, с каждым десятилетием расширялась»⁴¹. Маршалл полагал, что большинство его современников-экономистов, не поддерживая полномасштабный социализм, положительно относилось к расширению государственного вмешательства: «В целом экономисты выступают за активизацию деятельности государства ради улучшения общества», но «они против того гигантского расширения сферы действий государства, к которому стремятся коллективисты»⁴². Сам же он считал, что ряд факторов, в том числе рост профессионализма госаппарата и социалистические идеи «чуждающегося, но благородного» Роберта Оуэна «в сочетании с техническим прогрессом обусловили после смерти Милля еще большее расширение поля для благотворного вмешательства государства, чем при его жизни». Маршалл предостерегал от замены частной собственности на предприятия большинства отраслей государственной собственностью, полагая, что это означало бы зайти слишком далеко, но при этом выступал за муниципальное владение коммунальной инфраструктурой и за планирование землепользования в городах⁴³. Он был против полного выравнивания материального положения людей, но обосновывал умеренное перераспределение доходов с позиций утилитаризма. По мнению Маршалла, «если сократить те формы расходов, которые не служат высоким целям, и использовать высвободившиеся средства на благо менее зажиточных представителей трудящихся классов, можно будет добиться значительного увеличения счастья и повышения уровня жизни»⁴⁴.

Ученик Маршалла и его преемник на посту заведующего кафедрой политической экономики в Кембридже Артур С. Пигу в своих книгах «Богатство и благосостояние» (1912) и «Экономическая теория благосостояния» (1920), оказавших значительное влияние на экономическую науку, утверждал, что в тех многочисленных случаях, когда экономическая деятельность одного субъекта оборачивается серьезными побочными последствиями или «внешними эффектами» для других субъектов, *laissez-faire* не позволяет достичь максимальной чистой выгоды для общества. Пигу, как и Маршалл, выступал за перераспределение доходов и поддерживал национализацию некоторых отраслей (военной и угольной промышленности, а также, возможно, железных дорог).

Американский исследователь экономической истории Хью Рокофф отмечает: «Нет никаких оснований считать экономистов 20-х годов XX века догматичными защитниками *laissez-faire*. Эта точка зрения легко опровергается даже при поверхностном изучении истории экономической мысли в период, предшествовавший „новому курсу“». Ведущие экономисты и другие интеллектуалы эпохи прогрессизма уже осуществили «идеологический сдвиг от общего скептицизма по поводу способности государства улучшить функционирование экономики к общепространенной вере в компетентность государства». Рокофф приходит к выводу: «„Новый курс“ был именно тем, что доктор (экономики) прописал»:

---

⁴¹ Выдающаяся роль Милля связана с его книгой «Принципы политической экономии», впервые увидевшей свет в 1848 году и ставшей основным учебником по экономической теории (только при жизни автора она выдержала семь изданий и в дальнейшем еще не раз переиздавалась). Маршалл, судя по всему, имел в виду, что в каждом очередном издании книги Милль отводил государству все большую роль и все меньше критиковал социализм. Подробнее об идеях Бентама и Милля мы расскажем в главе 7.

⁴² Marshall A. The Social Possibilities of Economic Chivalry // Economic Journal. 1907. March. Vol. 17. P. 17–19.

⁴³ Ibid. P. 22–25.

⁴⁴ Ibid. P. 12.

Оказывается, что буквально все реформы, проведенные в 30-х годах XX века – установление минимальной заработной платы, введение социального страхования, пособий по безработице, создание Гражданского корпуса охраны окружающей среды (Civilian Conservation Corps) и т. д. – были именно тем, за что выступали экономисты.

Анализируя публикации ученых-экономистов в ту эпоху, Рокофф обнаружил, что «в подавляющем большинстве статей о реформах в духе „нового курса“, публиковавшихся в основных периодических изданиях по экономике с конца Первой мировой войны до 1929 года, подобные преобразования одобрялись» (курсив оригинала)⁴⁵. Авторами нескольких статей из тех, на которые он ссылается, были институционалисты, в том числе Эли, Коммонс и Джон Морис Кларк.

В том же 1907 году, когда Маршалл рассказывал коллегам о переходе экономической науки от *laissez-faire* к поддержке усиления роли государства, подобным же образом высказался и ведущий американский экономист-теоретик начала XX века. В статье под заголовком «В чем причина отказа от доктрины *laissez-faire*?» профессор Йельского университета Ирвинг Фишер с удовлетворением отмечал, что в предыдущие несколько десятилетий «на смену крайним доктринам экономистов классической школы в духе *laissez-faire* пришли современные доктрины государственного регулирования и общественного контроля».

Эти изменения Фишер приписывал постепенному осознанию двух изъянов доктрины *laissez-faire*. Во-первых, предвосхищая замечание Кейнса о том, что индивиды по отдельности зачастую «слишком невежественны или слишком слабы», чтобы действовать себе во благо, он настаивал, что общественная польза от руководства со стороны специалистов должна ставиться выше принципа, согласно которому людям следует предоставить право принимать самостоятельные решения: «Нельзя позволять, чтобы догмы *laissez-faire* мешали нам предотвращать последствия самоубийственного невежества». В частности, он считал, что общество должно ограничивать продажу и употребление алкоголя⁴⁶. Многие экономисты-прогрессисты выступали за запрет алкоголя и наркотиков и даже за евгенику (в виде ограничений на иммиграцию для представителей «низших рас» и за их стерилизацию во избежание «расового самоубийства») в качестве научного метода совершенствования общества⁴⁷.

«Вторая ошибка *laissez-faire*» заключалась в том, о чем писали и Маршалл, а затем Пигу, – в неспособности справиться с внешними эффектами: «Догматичные сторонники доктрины *laissez-faire* упускают из виду [те действия], ущерб от которых для общества перевешивает пользу для индивида». В качестве примеров таких действий Фишер приводил случаи, когда люди плюют на тротуар (что может привести к распространению инфекций), беспощадную конкуренцию в железнодорожной отрасли, бессмысленные ресурсные издержки, связанные с золотым стандартом, и «социальную гонку» – ненужные траты на то, чтобы «быть не хуже соседей». Впрочем, конкретных предложений по поводу предотвращения «социальной гонки» действиями государства он не выдвигал. По его мнению, эти примеры иллюстрируют

---

⁴⁵ Rockoff H. By Way of Analogy: The Expansion of the Federal Government in the 1930s // The Defining Moment: The Great Depression and the American Economy in the Twentieth Century / Ed. by M.D. Bordo, C. Goldin, E.N. White. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 133, 125, 126, 134.

⁴⁶ Fisher I. Why Has the Doctrine of Laissez Faire Been Abandoned? // Science. 1907. January 4. Vol. 25. № 627. P. 18, 20.

⁴⁷ Томас Леонард приводит расистские и «евгенические» высказывания целого ряда экономистов-прогрессистов, в том числе Ирвинга Фишера, Джона Р. Коммонса, Саймона Паттена и Френсиса Э. Уокера, а также социалистов-фабианцев Сиднея и Беатрисы Уэбб. См.: Leonard T.C. Eugenics and Economics. P. 207–224. См. также: *Idem*. American Economic Reform in the Progressive Era: Its Foundational Beliefs and Their Relation to Eugenics // History of Political Economy. 2009. Spring. Vol. 41. P. 109–141. Деннис Сьюэлл добавляет в список приверженцев евгеники Джона Мейнарда Кейнса и фабианца Уильяма Бевериджа, см.: Sewell D. How Eugenics Poisoned the Welfare State // Spectator. 2009. November 25 [www.spectator.co.uk/2009/11/how-eugenics-poisoned-the-welfare-state/].

«самоубийственные эффекты слепого следования эгоистическим интересам индивидов» без учета внешних эффектов.

Фишер «изумлялся» тому, как далеко некоторые мыслители прошлого заходили в поддержке принципов свободного рынка, приводя в пример «высказывания Герберта Спенсера в поддержку частной чеканки монеты» и аргументы одного из первых анархо-капиталистов Густава де Молинали о том, что конкурирующие частные полицейские службы обеспечат гражданам лучшую защиту, чем государственная полиция⁴⁸. Подобно Маршаллу, Фишер рассматривал продуманное расширение роли государства в экономике в качестве благоразумного способа избежать крайностей: «Сегодня нам, несомненно, грозит опасность чрезмерного социалистического экспериментирования, но мы ничего не приобретем и многое потеряем, если будем игнорировать или потворствовать его противоположности – порокам индивидуализма»⁴⁹. Позднее Фишер выступал за прогрессивный подоходный налог на том основании, что, как показала экономическая наука, для человека, получающего больший доход, один доллар дополнительного дохода значит меньше, чем для человека, чей доход меньше⁵⁰.

---

⁴⁸ *Fisher I. Why Has the Doctrine of Laissez Faire Been Abandoned?* P. 22. Возможно, Фишер не знал, что до того, как во время Гражданской войны частная чеканка монеты была запрещена, в США существовало порядка двадцати частных монетных дворов, чеканивших золотые и серебряные монеты и пользовавшихся хорошей репутацией. Кроме того, вопреки его скептическому отношению к частным полицейским услугам, сегодня в США количество частных охранников превосходит численность полиции.

⁴⁹ *Ibid.* P. 27.

⁵⁰ *Fisher I. A Statistical Method for Measuring "Marginal Utility" and Testing the Justice of a Progressive Income Tax // Economic Essays Contributed in Honor of John Bates Clark.* New York: Macmillan, 1927. Другие экономисты (например, Оскар Ланге, см. главу 2) впоследствии применяли то же допущение об убывающем приращении счастья, отождествлявшемся ими с понятием «предельной полезности» в экономической теории, в качестве аргумента в поддержку перераспределения богатства ради максимального увеличения совокупной «социальной полезности». Напротив, Лайонел Роббинс доказывал, что экономическая теория ничего не говорит о сравнительной интенсивности счастья у разных индивидов. Термин «предельная полезность» в экономической теории не связан с счастьем, и нельзя суммировать или сравнивать предельную полезность, относящуюся к разным людям (*Robbins L. The Nature and Significance of Economic Science.* London: Macmillan, 1932).

Мировая экономика до 1914 года

Молодость Кейнса и детство Хайека пришлось на период динамичного роста в десятилетия, предшествовавшие 1914 году, сопровождавшегося более или менее благоприятной по отношению к рынку экономической политикой. Телеграф, радио и телефон сотворили настоящее чудо, обеспечив мгновенную связь между городами мира⁵¹. Все более быстрые поезда и корабли вместе с появившимися тогда легковыми и грузовыми автомобилями увеличили скорости передвижения и расширили масштабы торговли. Некоторые авторы называют этот период «первой эпохой глобализации».

В своей книге «Экономические последствия Версальского мирного договора», написанной в 1920 году, когда он еще не полностью порвал с классическим либерализмом, Кейнс красноречиво описал период, прерванный началом Первой мировой войны:

Каким удивительным эпизодом экономического прогресса была та эпоха, которая пришла к концу в августе 1914 года. <...> Сидя за утренней чашкой чая, житель Лондона мог заказать по телефону разнообразнейшие продукты всего Земного шара в каком угодно количестве и через несколько часов получить их в собственной квартире; он мог испытать счастье сразу в нескольких частях света, вложив свои капиталы в эксплуатацию их естественных богатств или какие-либо новые предприятия, и без всяких усилий или беспокойств получать свою долю прибылей и выгод. <...> По первому желанию он мог воспользоваться дешевыми и удобными средствами передвижения, чтобы отправиться в любую страну или даже часть света, для чего не нужно было ни особого паспорта, ни каких-либо формальностей; он мог... запастись нужным количеством драгоценного металла в ближайшем отделении банка и затем ехать в чужие края, не зная их языка и религии или обычаев, везя при себе свой запас денег; при этом малейшее препятствие показалось бы ему досадной неожиданностью. <...> В его глазах проекты и политические планы милитаризма и империализма, расовое и культурное соревнование, монополии, ограничения и запреты, все то, что играло роль змея-искусителя в этом социальном раю, было не более как развлечением, преподносимым ему в утренней газете; все это, по-видимому, не оказывало почти никакого влияния на обычный ход социальной и экономической жизни, которая в ближайшем же будущем должна принять законченный интернациональный характер⁵².

Хайек позднее с горечью вспоминал, как все изменилось с началом войны: «Мы не осознавали, насколько хрупка наша цивилизация»⁵³.

---

⁵¹ Увлекательное описание последствий изобретения телеграфа см. в книге: *Standage T.* The Victorian Internet. New York: Berkley, 1999. Захватывающий рассказ об изобретении радиосвязи Маркони на сюжетном фоне расследования реального дела об убийстве см. в книге: *Larson E.* Thunderstruck. New York: Crown, 2006.

⁵² *Keynes J.M.* The Economic Consequences of the Peace. New York: Harcourt, Brace, and Howe, 1920. P. 10–12 [*Кейнс Дж.* Экономические последствия Версальского мирного договора // Он же. Общая теория занятости, процента и денег. С. 468–469].

⁵³ Цит. по: The Commanding Heights Episode One: The Battle of Ideas; стенограмма доступна на сайте: [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitext/tr_show01.html].

Закон о федеральном резерве и Первая мировая война

Впрочем, и до 1914 года путь экономического прогресса не был абсолютно гладким. Так, биржевая паника 1907 года в США потрясла всю денежную и банковскую систему страны. Для изучения вопроса о том, как обеспечить большую финансовую стабильность, Конгресс создал Национальную денежную комиссию. Небольшая группа экономистов и банкиров выступала за реформы, предполагающие дерегулирование. Они связывали слабость банковской системы США и вызывающую острые споры «неэластичность» денежного предложения с ограничениями со стороны властей штатов на расширение банками филиальной сети и с ограничениями со стороны федеральных властей на эмиссию банкнот банками⁵⁴. Однако большинство экономистов и банкиров, занимавшихся этим вопросом, отдавали предпочтение созданию центрального банка по образцу Банка Англии или германского Рейхсбанка⁵⁵. Закон о Федеральном резерве, принятый в 1913 году, расширил полномочия федеральных властей в денежной и банковской сферах, что вполне соответствовало духу прогрессизма. Ниже (в главах 3, 5, 11 и 12) мы расскажем о столкновении идей в следующем поколении экономистов по поводу того, насколько создание центральных банков на практике оказалось полезным или вредным.

В 1917–1918 годах в целях мобилизации и реквизиции ресурсов для участия США в Первой мировой войне администрация президента Вудро Вильсона резко усилила роль федерального правительства в экономике. Этот эксперимент с административно-командными методами Франклин Рузвельт и его советники в годы Великой депрессии используют в качестве прецедента при разработке программ «нового курса». Сразу же после окончания войны федеральное правительство ужалось (хотя его масштаб и сфера активности не вернулись к прежнему уровню), а рыночные механизмы в основном были восстановлены⁵⁶. Преемник Вильсона Уоррен Г. Гардинг назвал эту реставрацию «возвратом к нормальному состоянию». В Великобритании правительство Дэвида Ллойд Джорджа осуществило аналогичную «революцию военного времени», усилив контроль государства над экономикой, но после окончания войны большинство вновь созданных министерств было упразднено⁵⁷.

---

⁵⁴ Из всех многочисленных томов, опубликованных Комиссией, гипотеза об ослабляющем влиянии регулирования и предложения о дерегулировании как о средстве решения проблемы наиболее четко были изложены в книге: *Noyes A.D. History of National-Bank Currency*. Washington, DC: Government Printing Office, 1910. Об анализе, лежавшем в основе концепции дерегулирования, и о ее политической непопулярности см.: *Selgin G., White L.H. Monetary Reform and the Redemption of National Bank Notes, 1863–1913* // *Business History Review*. 1994. Summer. Vol. 68. P. 205–243. Об американских сторонниках *laissez-faire* в банковской сфере в конце XIX века см.: *Selgin G., White L.H. Laissez-Faire Monetary Theorists in Late Nineteenth Century America* // *Southern Economic Journal*. 1990. January. Vol. 56. P. 774–787.

⁵⁵ Обзор имевших место в нескольких странах дискуссий о сравнительных достоинствах центрального банка и свободы банковской деятельности см. в книге: *Smith V. The Rationale of Central Banking*. Indianapolis: Liberty Press, 1990 [*Смит В. Происхождение центральных банков*. М.: Институт национальной модели экономики, 1996].

⁵⁶ См.: *Higgs R. Crisis and Leviathan*. Oxford: Oxford University Press, 1987. Ch. 7 [*Хиггс Р. Кризис и Левиафан*. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010. Гл. 7].

⁵⁷ *Toye R. The Labour Party and the Planned Economy, 1931–1951*. Woodbridge, UK: Boydell Press, 2003. P. 20–21.

Русские революции 1917 года

Еще один эксперимент с государственным контролем над экономикой начался в России в 1917 году – и продлился он намного дольше. В феврале 1917 года стачки и массовое дезертирство из армии вынудили царя Николая II отречься от престола. В октябре того же года большевики во главе с Владимиром Лениным свергли сравнительно либеральное Временное правительство и, вдохновляясь идеями Карла Маркса, приступили к строительству полностью социалистической экономики. Но Ленин столкнулся с серьезной «архитектурной» проблемой – никаких «чертежей» Маркс не оставил. Составлять конкретный проект идеального социалистического общества означало бы заниматься «утопическим» социализмом. Маркс высмеивал социалистов-утопистов именно за это «фантастическое описание будущего общества». Сам он вместе со своим соавтором Фридрихом Энгельсом выступал за «научный» социализм, который критиковал капитализм и предсказывал его неминуемый крах, но детально не прописывал, как будет организовано производство после наступления социализма⁵⁸.

Самым известным «утопическим» социалистом был Роберт Оуэн. В 1824 году он и его последователи выкупили у одной религиозной секты участок земли и поселение в штате Индиана, создали там коммуну под названием «Новая гармония» и начали проводить эксперимент с коллективным ведением сельского хозяйства на добровольных началах. Эксперимент не заладился. По словам Джошуа Муравчика, «всего за год Оуэн и тысяча его приверженцев превратили эту маленькую Швейцарию в Албанию»⁵⁹. Другие нерелигиозные коллективистские эксперименты XIX века также потерпели неудачу⁶⁰. Заклеймив Оуэна и других как «утопистов», отмечает Муравчик, Маркс и Энгельс

попросту зачеркнули этот неудачный опыт с помощью одного из величайших интеллектуальных трюков в истории. <...> Оуэн и другие коммунитаристы действительно проводили эксперименты для проверки своих идей, а эксперимент – это суть науки. То есть именно они и были подлинно научными социалистами. А Маркс и Энгельс отбросили все экспериментальные данные, заменили их идеей, представлявшей собой не более чем пророчество, и назвали это развитием социализма от утопии к науке⁶¹.

В «Манифесте коммунистической партии» (1848) Маркс и Энгельс написали: «Отличительной чертой коммунизма является... отмена буржуазной собственности. <...> В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»⁶². Но за этим не последовало никакого тезиса, объясняющего, что именно должно прийти на смену частной собственности, а также рынку, на котором происходит обмен частной собственностью. Маркс отвергал мысль о том, что частная собственность на средства

---

⁵⁸ См.: *Prychitko D. Marxism and Market Processes // The Elgar Companion to Austrian Economics / Ed. by P.J. Boettke. Cheltenham: Edward Elgar, 1994. P. 516.*

⁵⁹ Выступление Джошуа Муравчика на симпозиуме «Socialism: What Happened? What Now?» 1 мая 2000 года; стенограмма доступна на сайте: [web.archive.org/web/20040312050602/www.socialdemocrats.org/MayDayTranscript.html].

⁶⁰ Об этих экспериментах см.: *Harrison J.F.C. Quest for the New Moral World: Robert Owen and the Owenites in Britain and America. New York: Scribner, 1969; American's Communal Utopias / Ed. by D.E. Pitzer. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997. Фундаментальная работа по английскому утопизму: Armitage W.H.G. Heavens Below: Utopian Experiments in England, 1560–1960. London: Routledge and Kegan Paul, 1961.*

⁶¹ *Muravchik J. Socialism. См. также: Idem. Heaven on Earth: The Rise and Fall of Socialism. San Francisco: Encounter Books, 2002. P. 342.*

⁶² *Marx K., Engels F. The Communist Manifesto // The Two Narratives of Political Economy / Ed. by N. Capaldi, G. Lloyd. Hoboken, NJ: John Wiley, 2011. P. 397 [Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Они же. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 438].*

производства – наиболее эффективный способ справиться с неизбежной проблемой редкости, недостаточности имеющихся средств для удовлетворения всех желаний людей.

Следствием редкости является то, что для каждой единицы ресурсов – рабочего, машины или акра земли – должен существовать некий человек или группа людей, которые принимали бы окончательное решение по поводу того, как эта единица должна использоваться. В условиях частной собственности эта роль «последней инстанции» отводится частным владельцам. Каждый человек сам решает, какую работу ему выполнять. Индивид или добровольное объединение индивидов, произведя или приобретя какой-либо механизм либо участок земли, решает, как его использовать. Даже оставляя за скобками моральные аргументы о праве каждого на свободу и владение имуществом, подобную систему можно обосновать практическими соображениями: именно эти люди лучше всего знают, как использовать соответствующие ресурсы с толком. Частная собственность позволяет избежать издержек на консультации с тысячами других людей и на получение их согласия (кроме тех случаев, когда тысячи партнеров или акционеров добровольно объединяют свою собственность). Это обеспечивает мощные стимулы к созданию новых ресурсов и к бережливому распоряжению имеющимися. Маркс отвергал подобные доводы в защиту частной собственности как «пристрастное представление, заставляющее вас [буржуазию] превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума»⁶³. Таким образом, когда на смену капитализму придет социализм, а затем и коммунизм, казалось бы, ключевая роль частной собственности в производстве и аллокации редких ресурсов должна сойти на нет.

Что касается производства при социализме, в «Манифесте» содержится следующее пророчество:

Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов... пролетариат... силой упраздняет старые производственные отношения...⁶⁴

Итак, производство будет национализировано. В «Капитале» Маркс добавляет к этому пояснение: производство должно «находиться под сознательным планомерным контролем» «свободного общественного союза людей»⁶⁵. Таким образом, производство будет планироваться централизованно. Но как, по каким принципам, общество должно централизованно планировать новые условия производства? Об этом ни Маркс, ни Энгельс, по сути дела, так ничего и не сказали.

---

⁶³ Ibid. P. 399 [Там же. С. 443].

⁶⁴ Ibid. P. 403 [Там же. С. 442].

⁶⁵ Marx K. Capital. New York: Modern Library, 1906. P. 92. Цит. по: Boettke P. The Political Economy of Utopia // Idem. Calculation and Coordination. New York: Routledge, 2001. P. 109 [Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 90]. Бёттке в своей статье прослеживает преемственность между интеллектуальным проектом Маркса и политическим проектом Ленина. См. также: Boettke P. The Political Economy of Soviet Socialism: The Formative Years, 1918–1928. Boston: Kluwer Academic, 1990. P. 66–69.

Карл Маркс

Карл Маркс (1818–1883) родился в зажиточной немецкой семье – его отец был адвокатом. Он изучал право в Боннском и Берлинском университетах, но затем, уже в Йенском университете, занялся философией. В 1842 году он начал работать журналистом в Кельне, а через год перебрался в Париж. Там он познакомился с Фридрихом Энгельсом, который стал его финансовым спонсором и соратником. Вдвоем они в 1848 году написали «Манифест коммунистической партии». В 1849 году Маркс переехал в Лондон, где занялся чтением и написанием своих трудов, попутно зарабатывая некоторые суммы в качестве корреспондента газеты *New York Tribune*. В первую очередь Маркс изучал работы Давида Рикардо и других представителей классической экономической школы. У них он позаимствовал две важные идеи: трудовую теорию ценности (о ней мы подробнее расскажем в следующей главе) и анализ распределения доходов в соответствии с классовой принадлежностью (трактовка совокупного национального дохода как «пирога», который делится между наемными работниками, капиталистами и землевладельцами). Из этих идей он вывел собственную теорию эксплуатации и прибыли. По Марксу, капиталисты получают доход не за счет вносимого ими в производство вклада, а за счет «прибавочной ценности» («прибавочной стоимости»), которую они присваивают, выплачивая рабочим лишь часть ценности, произведенной их трудом. Свои теоретические построения Маркс изложил в трехтомном труде «Капитал» (тома были изданы в 1867, 1885 и 1894 годах, причем последние два – посмертно под редакцией Энгельса) и в историко-теоретической работе «Теории прибавочной стоимости», написанной в 1861–1863 годах.⁶⁶

Вождь большевиков Владимир Ленин был марксистом до мозга костей. Он заявлял:

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком⁶⁷.

По поводу ленинского определения коммунизма есть старая шутка: «При капитализме существует эксплуатация человека человеком, а при коммунизме – наоборот».

Но заявлять о неизбежности победы коммунизма не значит объяснить, как при этом строе будет организовано производство. Что же следовало делать большевикам, когда они оказались у власти?

---

⁶⁶ В русскоязычной литературе сложилась традиция переводить термин *value* (и его немецкий аналог *Wert*) как «стоимость», восходящая к неудачной передаче этого термина в русском переводе «Капитала» под редакцией И.И. Скворцова-Степанова – именно эта версия перевода стала в советское время канонической. Тем не менее неадекватность термина «стоимость» в контексте экономической теории ценности хорошо осознается русскоязычными экономистами. В данном переводе будет использоваться термин – «ценность» за исключением случаев, когда вариант «стоимость» встречается в цитатах из уже опубликованных переводов. (Здесь и далее постраничные примечания принадлежат научному редактору.)

⁶⁷ *Lenin V.I. Speech at the Unveiling of a Memorial to Marx & Engels (7 November 1918) // Idem. Collected Works. Moscow: Progress Press, 1972. Vol. 28. P. 165 [Ленин В.И. Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г. // Он же. Полное собрание сочинений / 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. С. 169].*

Глава 2

Большевистская революция и дискуссия об экономическом расчете при социализме

В апреле 1919 года Владимир Ленин направил теплое приветствие революционерам-социалистам, только что захватившим власть в Мюнхене и провозгласившим создание Баварской советской республики. Основываясь на восемнадцатимесячном опыте руководства большевистской революцией, установившей в России социалистическую советскую власть, он составил для них список возможных конкретных мер, настаивая на их «самом спешном и широком проведении»:

Создали ли Советы рабочих и прислуги по участкам города, вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, использовали ли склады одежды и других продуктов для немедленной и широкой помощи рабочим, а особенно батракам и мелким крестьянам, экспроприировали ли фабрики и богатства капиталистов в Мюнхене, а равно капиталистические земельные хозяйства в его окрестностях, отменили ли ипотеки и арендную плату для мелких крестьян, удвоили или утроили плату батракам и чернорабочим, конфисковали ли всю бумагу и все типографии для печатания популярных листовок и газет для массы, ввели ли 6-часовой рабочий день с двух- или трехчасовыми занятиями по управлению государством, уплотнили ли буржуазию в Мюнхене для немедленного вселения рабочих в богатые квартиры, взяли ли в свои руки все банки, взяли ли заложников из буржуазии, ввели ли более высокий продовольственный паек для рабочих, чем для буржуазии, мобилизовали ли рабочих поголовно и для обороны, и для идейной пропаганды в окрестных деревнях?⁶⁸

В этом перечне кратко излагается ленинская программа экстренных мер по укреплению власти путем привлечения на свою сторону рабочих. В то же время отсутствие каких-либо рекомендаций по поводу долгосрочной экономической стратегии указывает на проблему, с которой сам Ленин столкнулся в России: Маркс и Энгельс не оставили конкретных указаний на этот счет, и экономическую политику приходилось придумывать на ходу.

---

⁶⁸ *Lenin V.I. Message of Greetings to the Bavarian Soviet Republic // Idem. Collected Works / 4th English ed. Moscow: Progress, 1972. Vol. 29. P. 325–326 [www.marxists.org/archive/lenin/works/1919/apr/27.htm] [Ленин В.И. Приветствие Баварской советской республике // Он же. Полное собрание сочинений / 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 38. С. 321].*

Большевики осуществляют экономическую политику

Ленин полагал, что в будущем, при коммунизме, произойдет отмирание государства. Однако в условиях социализма – переходного периода от капитализма к коммунизму – для обеспечения интересов рабочих необходим всеобъемлющий контроль государства над экономикой. Как отмечал современник Ленина, российский экономист-аграрник Борис Бруцкус, большевики обнаружили в Марксовой критике капитализма отказ от капиталистической системы регулирования производства через рыночные цены и идею замены ее «единым государственным планом»⁶⁹.

Захватив власть, большевики без промедления учредили центральный плановый орган – Высший совет народного хозяйства. В декабре 1917 года ВСНХ национализировал банковскую систему, подчинив все банки страны Государственному банку, унаследованному от царского режима. Кроме того, советское правительство национализировало крупные промышленные предприятия и передало фабрики и заводы под контроль рабочих фабрично-заводских комитетов. Весной 1918 года была введена государственная монополия в сфере внешней торговли. К осени того же года новая власть национализировала даже мелкие фирмы. Частная торговля, использование наемного труда и сдача земли в аренду частными лицами были объявлены вне закона. Предпринимались даже попытки упразднить деньги. Питер Бёттке в своей книге по экономической истории этого периода пишет, что постановление, изданное в августе 1918 года, «объявляло, что все сделки должны осуществляться с помощью учетных операций без использования денег»⁷⁰. Все товары должны были распределяться посредством государственного rationирования. В деревне советская власть конфисковывала все произведенное крестьянами продовольствие (сверх объема, необходимого для личного потребления) для распределения его в городах. Экономист Джек Хиршлейфер называет все эти меры «самой радикальной в современную эпоху попыткой упразднения системы частной собственности и добровольного обмена»⁷¹.

Результаты были поистине катастрофическими. В отсутствие ценового механизма координации экономических планов, по меткому выражению Льва Троцкого, «каждый завод походил на телефонный аппарат с отрезанными проводами»⁷². К 1920 году объем промышленного производства в России сократился в пять с лишним раз по сравнению с уровнем 1916 года.

---

⁶⁹ Цит. по: *Boettke P.J. The Political Economy of Soviet Socialism: The Formative Years, 1918–1928. Boston: Kluwer Academic, 1990. P. 31 [Бруцкус Б. Социалистическое хозяйство: Теоретические размышления по поводу русского опыта. М.: Стрелец, 1999. С. 15].*

⁷⁰ Ibid. P. 65. [По-видимому, речь идет о постановлении ВСНХ «О порядке ведения расчетов между национализированными предприятиями и Советскими учреждениями» от 30 августа 1918 года (см.: [istmat.info/node/31045]). Как следует из названия и текста постановления, речь в нем идет лишь о переводе в безналичную форму расчетов между государственными предприятиями и учреждениями в целях усиления централизованного контроля над хозяйственным оборотом. Нигде в тексте не говорится, что целью этой меры является упразднение денег в ближайшем или отдаленном будущем. Скорее всего, ошибка появилась в цепочке многократного цитирования, так как Питер Бёттке ссылается не на оригинал документа, а на книгу Юджина Залески, также не содержащую ссылки на оригинальный документ, а ссылающуюся на франкоязычную работу 1955 года (*Zaleski E. Planning for Economic Growth in the Soviet Union, 1918–1932. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1971*). Впрочем, Залески корректно указывает, что в постановлении речь шла именно о расчетах между государственными организациями, хотя интерпретирует эту меру как первый шаг к отмене денег. Тем не менее данное уточнение не означает, что неверен тезис о том, что в повестке дня большевиков в начальный период их правления стоял вопрос об упразднении денег. Эта политическая цель активно обсуждалась во внутривластных дискуссиях, хотя и в более поздний период 1919–1920 годов; см., например: *Бухарин Н. Экономика переходного периода. М.: Гос. соц. – экон. изд-во, 1920. Гл. 9. В частности, гиперинфляция того времени трактовалась Бухариным как движение в направлении «самоотрицания» денег. – Ред.]*

⁷¹ *Hirshliefer J. Economic Behavior in Adversity. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 15.*

⁷² Цит. по: *Gregory P. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-year Plan. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 99 [Троцкий Л.Д. Новая экономическая политика и перспективы мировой революции // Он же. Сочинения. Основные вопросы пролетарской революции. М.: Госиздат, 1925. Т. 12. С. 316–317].*

На селе крестьяне бунтовали против конфискации сельхозпродуктов (продразверстки). Они сокращали производство и прятали собранный урожай. В городах возник настолько острый дефицит продовольствия и других товаров, что многие бежали в деревню, спасаясь от голодной смерти. Из-за голода и массового бегства жителей население Москвы и Петрограда за первые два года после большевистского переворота уменьшилось вдвое. Рабочие в знак протеста начали бастовать. Голодные солдаты и матросы поднимали восстания⁷³.

В 1921 году Ленин отказался от этой политики – теперь он называл ее военным коммунизмом и характеризовал всего лишь как чрезвычайные меры, необходимые в условиях гражданской войны, которую вели красные против белых (контрреволюционеров, оказывающих им сопротивление). Такая смена вывески скрывала тот факт, что эта политика была продиктована не только необходимостью или практическими соображениями. Большевики всерьез пытались создать безрыночную экономику. Меры, направленные на упразднение рынка, уничтожившие последние остатки частного предпринимательства, продолжались и ширились уже после того, как в 1920 году сопротивление белых было подавлено. Ликвидация этих остатков рыночной экономики, которым прежде удавалось избежать государственного контроля, привела к полному краху народного хозяйства страны.

В 1921 году Ленин объявил новую экономическую политику (нэп), поскольку альтернативой этому был массовый голод. Он снова разрешил рыночный обмен – крестьянам было позволено продавать свою продукцию, а на смену продразверстке пришло налогообложение по более низким ставкам. Была проведена денационализация малых предприятий и сферы услуг, вновь разрешена частная торговля. Поскольку государство по-прежнему контролировало банковскую систему, крупную промышленность и внешнюю торговлю, Ленин характеризовал нэп как отступление «на командные высоты экономики». Ситуация в народном хозяйстве улучшилась.

В 1928 году нэп будет отменен. Сталин начнет новое наступление на частных предпринимателей – нэпманов – и индустриализацию страны в рамках пятилетних планов⁷⁴. А еще через два года будет проведена коллективизация сельского хозяйства.

---

⁷³ Общий обзор событий того периода см. в книге: *Boettke P.J. The Political Economy of Soviet Socialism*. P. 63–111; *Hirshliefer J.* Op. cit. P. 15–23.

⁷⁴ О периоде нэпа см.: *Ball A.M. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929*. Berkeley: University of California Press, 1990.

Вена, 1920 год

После окончания Первой мировой войны марксистско-ленинские идеи получили хождение не только в России. Они завоевывали умы, а их адепты захватывали власть в странах Центральной Европы. Так, в Будапеште большевики в марте 1919 года провозгласили Венгерскую советскую республику, которая просуществовала до августа того же года. Выше мы уже упоминали о захвате власти коммунистами в Мюнхене в апреле 1919 года и о создании Баварской советской республики. Она просуществовала примерно месяц, пока в дело не вмешалась немецкая армия. Преобладали марксисты и в городском парламенте «Красной Вены». Один из жилых комплексов, возведенных городскими властями, даже получил название Карл-Маркс-Хоф. Столица Австрии была разорена не только войной и распадом Австро-Венгерской империи, но и введенным городскими властями контролем над ценами на продовольствие и топливо. Что же касается страны в целом, то на выборах 1919 года Социал-демократическая партия заняла первое место и сформировала коалиционное правительство. Созданная при нем Комиссия по социализации предлагала национализировать угольную и металлургическую отрасли, а затем и другие секторы экономики. Глава комиссии Отто Бауэр выступал за «гильдейский» социализм⁷⁵. Венский философ и экономист Отто Нейрат, участвовавший в 1919 году в выработке экономической политики Баварской советской республики, в том же году опубликовал книгу, где высказал предположение, что централизованное распределение ресурсов, или «военный социализм» времен Первой мировой войны, может стать первым шагом к безденежной «естественной» экономике⁷⁶.

Ведущим критиком социалистических идей в Вене стал Людвиг фон Мизес. Во многом в ответ на доводы Нейрата он в 1920 году опубликовал вскоре ставшую знаменитой статью «Экономический расчет в социалистическом обществе», а через два года – книгу «Социализм» (1922)⁷⁷. Именно книга Мизеса заставила Хайека отказаться от симпатий к социалистическим идеям. В предисловии к очередному изданию книги Мизеса, вышедшему в 1978 году, он писал:

«Социализм», впервые появившись в 1922 году, произвел сильное впечатление. Эта книга постепенно изменила существо взглядов многих молодых идеалистов, которые вернулись к своим университетским занятиям после Первой мировой войны. Я знаю это, потому что был одним из них... Мы были нацелены на строительство лучшего мира, и именно это желание пересоздать общество привело многих из нас к изучению экономической теории. Социализм обещал желаемое – более рациональный, более справедливый мир. А потом появилась эта книга. Она нас обескуражила. Эта книга сообщила нам, что мы не там искали лучшее будущее⁷⁸.

---

⁷⁵ Polanyi-Levitt K., Mendell M. The Origins of Market Fetishism – Critique of Friedrich Hayek's Economic Theory // Monthly Review. 1989. June. Vol. 41. P. 11–32.

⁷⁶ См.: Caldwell B. Hayek's Challenge. Chicago: University of Chicago Press, 2004. P. 116.

⁷⁷ Mises L. von. Economic Calculation in the Socialist Commonwealth / Trans. by S. Adler // Collectivist Economic Planning / Ed. by F.A. Hayek. London: Routledge, 1935. P. 87–130; *Idem*. Socialism: An Economic and Sociological Analysis / Trans. by J. Kahane. Indianapolis: Liberty Fund, 1981 [*Мизес Л. фон*. Социализм: Экономический и социологический анализ. М.; Челябинск: Социум, 2016].

⁷⁸ Hayek F.A. Foreword // Mises L. von. Socialism. P. xix [Там же. С. 3].

Людвиг фон Мизес

Людвиг фон Мизес (1881–1973) в 1906 году защитил докторскую диссертацию в Венском университете, где он посещал семинар Ойгена фон Бём-Баверка. Годом позже он занял должность главного экономиста в Торговой палате Вены. Первой в ряду его заметных работ стала книга «Теория денег и фидуциарных средств обращения», вышедшая в 1912 году. После службы на фронтах Первой мировой войны он вернулся в Торговую палату и стал официальным советником австрийского правительства. Кроме того, он внештатно преподавал в Венском университете в качестве приват-доцента. В 1920–1934 годах Мизес вел частный семинар, ставший ведущей дискуссионной площадкой Вены по вопросам современной экономической теории⁷⁹. Хайек присоединился к кружку Мизеса в 1924 году, после того как поступил на работу в возглавлявшееся Мизесом временное государственное учреждение, созданное после войны. Мизес и другие участники кружка разрабатывали «австрийский» подход в экономической теории, пионером которого был Карл Менгер, чью работу продолжили в Венском университете Ойген фон Бём-Баверк и Фридрих Визер⁸⁰. В том, что касается экономической политики, Мизес был твердым сторонником свободного рынка, обосновывая это тем, что последний дает позитивные практические результаты.

В 1927 году Мизес основал Австрийский институт экономических исследований, доверив Хайеку непосредственное руководство этим учреждением. Спустя семь лет, незадолго до захвата Австрии нацистской Германией, Мизес, которому грозила опасность из-за его публично высказываемых убеждений и еврейского происхождения, покинул страну и занял должность профессора в Женевском университете. В 1940 году, в возрасте 59 лет, он, ввиду опасности, грозившей Швейцарии со стороны гитлеровской Германии, вместе с женой перебрался в Нью-Йорк (Мизес женился в 1938 году, вскоре после того, как умерла его мать). Завершением его долгой карьеры стала работа в 1945–1969 годах в качестве приглашенного профессора в Нью-Йоркском университете. Наиболее известный труд Мизеса, обширный теоретический трактат «Человеческая деятельность», вышел в 1949 году⁸¹.

---

⁷⁹ Когда в 1922 году в Венском университете открылась вакансия профессора экономики, Мизес, ввиду его научных достижений, был бесспорным кандидатом. Хайек считает, что он не был назначен на эту должность в первую очередь из-за своих антисоциалистических взглядов, так как большинство преподавателей были социалистами (см.: *Hayek F.A. Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue* / Ed. by S. Kresge, L. Wenar. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 59). *Примечания к главе 2*

⁸⁰ Подробнее о Менгере мы расскажем в главе 8.

⁸¹ Краткий обзор научного наследия Мизеса см. в статье: *Hart D. Ludwig von Mises, Money, and the Fall and Rise of Classical Liberalism in the 20th Century* // *Literature of Liberty*. 1982. Autumn. Vol. 5. P. 3–6 [www.econlib.org/library/Essays/LtrLibrty/msEdBib1.html]. Подробное описание деятельности Мизеса в межвоенный период см.: *Ebeling R.M. The Economist as the Historian of Decline: Ludwig von Mises and Austria between the Two World Wars* // *Globalization: Will Freedom or World Government Dominate the International Marketplace?* / Ed. by R.M. Ebeling. Hillsdale, Mich.: Hillsdale College Press, 2002. P. 1–68. Подробную биографию ученого см.: *Hülsmann J.G. Mises: The Last Knight of Liberalism*. Auburn, AL: Mises Institute, 2007 [*Хьюльсманн Й.Г. Последний рыцарь либерализма: Жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса*. М.; Челябинск: Социум, 2013].

Мизесовская критика социалистической экономики

В своей статье, опубликованной в 1920 году, Мизес бросил серьезнейший вызов социалистической мысли. Социалисты, утверждал он, не могут предложить решение главной проблемы, связанной с редкостью экономических благ, а именно проблемы выбора того, как производить. Упразднив рынок, а значит и цены на средства производства, руководители социалистического хозяйства не будут знать, как комбинировать ресурсы для того, чтобы производить блага экономично. Не имея возможности рассчитывать прибыли и убытки, они окажутся словно в открытом море без компаса. В результате социализм будет вести не к процветанию, а к расточительству и бедности. Естественно, экономисты, придерживавшиеся социалистических взглядов, попытались ответить Мизесу, что и породило «спор об экономическом расчете при социализме»⁸².

Определяющей характеристикой социалистической экономики и Мизес, и тогдашние социалисты считали упразднение частной собственности на средства производства (труд, землю, сырье, машины, производственные строения). По мнению Мизеса, всякая экономика, где существует фондовый рынок, обеспечивающий свободный обмен контрольными пакетами акций фирм (которые, в свою очередь, владеют средствами производства или их арендуют) между частными инвесторами, не является социалистической. Согласно этому определению, к примеру, современную шведскую экономику нельзя считать социалистической – это рыночная экономика с высокими налогами, действующая в большом социальном государстве⁸³. Мизес отмечал: «В социалистическом обществе блага производственного назначения являются исключительно коллективными; они являются неотъемлемой собственностью коммуны и потому *res extra commercium*»⁸⁴. Экономист-социалист Оскар Ланге (его взгляды мы рассмотрим ниже) придерживался такого же определения, противопоставляя «социалистическую экономику» «любой системе с частной собственностью на средства производства». Когда за управление сельскохозяйственными и промышленными предприятиями отвечают не частные владельцы или инвесторы-капиталисты, а государство, вся координация их производственных планов ложится на центральный плановый орган.

Мизес утверждал, что плановое социалистическое хозяйство, подобное новой экономике Советской России (он писал статью до того, как Ленин признал необходимость восстановления рынка), обречена на плохое управление. Отмена частной собственности на средства производства – это ликвидация конкурентного торга за факторы производства между капиталистами, то есть рыночного процесса, в ходе которого формируются цены на производственные ресурсы, показывающие реальные издержки. К примеру, если речь идет об использовании конкретного земельного участка (или конкретного трактора) для выращивания желтозерной кукурузы, то как мы можем узнать соответствующие экономические издержки – то есть ценность наилучшего из прочих вариантов использования данного ресурса? Только узнав, какую сумму стремящиеся к прибыли фермеры, специализирующиеся на сое (или другие потенциальные производители), готовы предложить за его использование для выращивания соевых бобов (или иных культур) в том же сезоне.

---

⁸² Этой дискуссии посвящена книга: *Lavoie D. Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Reconsidered*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; краткий обзор см.: *Levy D.M., Peart S.J. Socialist Calculation Debate // New Palgrave Dictionary of Economics / Ed. by S.N. Durlauf, L.E. Blume / 2nd edition. New York: Palgrave Macmillan, 2008.*

⁸³ В период с 1980 по 2007 год Швеция занимала места от 18-го до 40-го из числа более чем 140 стран, включенных в сводный рейтинг Индекса экономической свободы. Ее рейтинг был более высоким по таким параметрам, как правовая система и защищенность прав собственности, твердые деньги и свобода торговли, и более низким по размеру государства и масштабам государственного регулирования. См.: *Gwartney J., Lawson R. et al. Economic Freedom of the World: 2009 Annual Report // Economic Freedom Network, 2009. P. 171 [www.fraserinstitute.org/studies/economic-freedom-of-the-world-2009-annual-report].*

⁸⁴ *Mises L. von. Economic Calculation in the Socialist Commonwealth. P. 91.*

Дефицит в СССР

В целях аргументации Мизес был готов допустить, что в социалистической экономике может существовать свободный рынок *потребительских* благ, когда, будучи произведены, такие блага продаются на рынке. В этом случае точные относительные цены на потребительские блага в принципе могут существовать и в социалистическом хозяйстве. Отметим, однако, что на практике советская экономика оказалась неспособна обеспечить правильное ценообразование для таких благ. Историк Шейла Фицпатрик описывает то, как советские граждане в 30-х годах XX века страдали из-за отсутствия адекватных цен на продовольствие, одежду и жилье (и от того, что предложение этих благ на рынке не допускалось):

С переходом в конце 20-х годов к централизованной плановой экономике в стране воцарился повсеместный дефицит... Один рабочий с Урала писал, что в его городе, чтобы купить хлеб, надо было становиться в очередь в час или в два часа ночи, а то и раньше, и ждать почти 12 часов... И хлеб был не единственным товаром, которого не хватало. Ничуть не лучше обстояло дело с другими основными продуктами питания, такими как мясо, молоко, масло и овощи, не говоря уже о промышленных товарах первой необходимости – соли, мыле, керосине и спичках. Рыба тоже исчезла из продажи, причем даже в тех областях, где был развит рыболовный промысел... Дефицит одежды, обуви и всех потребительских товаров был еще острее – зачастую их просто невозможно было достать... В то время люди ютились в коммунальных квартирах (как правило, одна комната на семью), в общежитиях и бараках... Жилищный кризис в Москве и Ленинграде приобрел такую остроту, что даже обширные связи и государственная должность зачастую не позволяли получить отдельную квартиру⁸⁵.

Дэвид Леви отмечает еще один важный момент: советский чиновник или директор магазина, отвечающий за ценообразование или распределение какого-либо товара, *не был заинтересован* в определении его равновесной рыночной цены, поскольку лично он не получал никакой выгоды от увеличения объема продаж. Напротив, устанавливая цены, настолько низкие, что они создавали в магазинах дефицит, и обладая фактическим правом на распределение дефицитных товаров до того, как они попадут на полки магазинов, он мог неофициально оказывать любезность другим, предоставляя доступ к товару, который нельзя было получить иным путем, в обмен на встречную любезность в виде доступа к другим дефицитным товарам. Советский сатирический журнал «Крокодил» проиллюстрировал систему, действовавшую в розничной торговле, с помощью воображаемого объявления в универмаге: «Уважаемые покупатели! В отдел кожаных изделий нашего магазина поступила партия из 500 импортных женских сумочек. Из них 450 куплены работниками магазина. Еще 49 отложены под прилавков согласно предварительным заказам от наших друзей. Одна сумка находится на витрине. Приглашаем вас посетить наш отдел кожаных изделий и купить эту сумку». Другие «утечки» происходили в еще более ранних звеньях цепочки поставок. Так что когда Мизес и Хайек в целях аргументации допускали беспристрастность людей, отвечающих в социалистическом хозяйстве за ценообразование, они тем самым оставляли без внимания одну из ключевых проблем⁸⁶.

---

⁸⁵ Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 42–47.

⁸⁶ Levy D. The Bias in Centrally Planned Prices // Public Choice. 1990. Vol. 67. № 3. P. 213–226.

Необходимость цен на факторы производства

Мизес утверждал, что даже если бы государственные плановики искренне и беспристрастно *хотели* удовлетворить потребительский спрос, а директора социалистических предприятий могли свериться с достоверными потребительскими ценами для определения того, на какой ассортимент товаров существует спрос, то для выяснения того, *как наилучшим образом произвести* потребительские блага, им все равно потребовались бы ориентиры в виде рыночных цен на блага *производственного назначения*. Предположим, что объем Z некоторого вида продукции можно изготовить с помощью разных сочетаний производственных ресурсов $\{U, W, X, Y\}$ в тех или иных количествах. Какой из ряда возможных вариантов минимизирует издержки производства Z (то есть позволяет избежать ненужных затрат)? Когда директор склада пиломатериалов принимает простое решение о том, какие навесы использовать, брезентовые или пластиковые, эта задача носит не только технический характер. Важны и относительные цены на эти два материала. Когда фермер решает, какое количество каждого типа удобрений использовать в расчете на гектар земли, он учитывает и соотношение цен на различные удобрения. Когда железнодорожная компания решает, где проложить новую линию, имеют значение цены тех или иных участков земли, труда и различных машин, используемых при строительстве мостов и тоннелей.

Мизес следующим образом описывал проблему, с которой столкнется индустриальное «социалистическое общество будущего» в отсутствие рыночных цен на производственные ресурсы:

Там функционируют тысячи и тысячи предприятий... И при непрерывном напоре всех этих процессов экономическое руководство будет дезориентировано. У него не будет возможностей удостовериться, что процесс, необходимый для производства какого-либо блага, не занимает слишком много времени, что труд и материалы не расходуются впустую. Как оно сможет понять, какой из методов производства является наиболее прибыльным?⁸⁷

Мизес указывал, что полное упразднение рыночных цен возможно лишь тогда, когда социализм победит в мировом масштабе. Что же касается ситуации, сложившейся на 1920 год, то «известный нам социализм существует как некий социалистический оазис, окруженный со всех сторон системой, основанной на свободном обмене и использовании денег». Муниципальная автобусная компания в условиях рыночной экономики *может* быть оценена по критерию прибыльности: мы можем сравнить ее доходы и расходы в денежном исчислении. Аналогичным образом целая социалистическая страна, такая как СССР, может использовать мировые цены в качестве приблизительного ориентира. Она подобна крупной (несомненно, излишне крупной) вертикально интегрированной фирме-конгломерату, действующей в рамках мировой рыночной экономики. Но такое использование мировых цен, естественно, будет невозможно, «в случае если социалистические концерны будут действовать в чисто социалистической среде», то есть если социализм установится в глобальном масштабе⁸⁸.

---

⁸⁷ Mises L. von. Economic Calculation in the Socialist Commonwealth. P. 106 [Мизес Л. фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. С. 104–105].

⁸⁸ Ibid. P. 104–105 [Там же. С. 104].

Производство в условиях «робинзонады» в противоположность специализированному производству и торговле

В социалистической системе плановики сталкиваются с необходимостью принимать решения о том, как распределять задачи и ресурсы между специализированными производственными предприятиями и как управлять ими с наибольшей результативностью. Мизес отмечал, что отдельный индивид, производящий все только для себя и не торгующий с другими, может (более того, вынужден) без использования цен решать, какие производственные планы имеет смысл реализовывать. Литературный персонаж Робинзон Крузо, оказавшись после кораблекрушения на необитаемом тропическом острове, способен сделать рациональный выбор – например, использовать ли тот или иной участок земли для охоты либо земледелия, – непосредственно сравнивая ожидаемые выгоды от этих альтернативных вариантов (за вычетом «издержек в виде затраченных усилий») ⁸⁹. Крузо может самолично оценить, сколько добычи он может получить от охоты, каков возможный урожай, сколько усилий нужно потратить на охоту, а сколько – на земледелие, и решить, какой вид продовольствия он предпочел бы получать с того или иного участка.

Напротив, производителю, действующему не в изоляции, а в рамках общества и его экономической системы, чтобы решить, чем стоит заняться, нужны цены на производственные ресурсы (факторы производства). Даже при наличии рынка, определяющего цены на потребительские блага, необходим и рынок благ производственного назначения или производственных ресурсов – он сообщает каждому производителю оценки других производителей в отношении различных вариантов использования этих ресурсов. Только рынок благ производственного назначения «дает нам возможность распространить суждения [производителей] о ценности на все блага более высокого порядка». Без рыночных цен на труд, производственные машины, сырье и без определяемой рынком процентной ставки «все сравнительно продолжительные, окольные процессы капиталистического производства превратятся в блуждание во тьме» ⁹⁰. Самоличной «робинзоновской» оценки без использования цен уже недостаточно. При условии наличия большого числа производителей, «как только происходит отказ от концепции свободно устанавливаемой денежной цены на блага более высоких порядков, рациональное производство становится абсолютно невозможным».

Поскольку же денежные цены на блага более высоких порядков формируются посредством конкурентного торга между владельцами частных предприятий, Мизес добавляет: «Каждый шаг, уводящий нас от частной собственности на средства производства и от использования денег, уводит нас и от рациональной экономики» ⁹¹.

---

⁸⁹ Ibid. P. 97 [Там же. С. 97].

⁹⁰ Ibid. P. 101.

⁹¹ Ibid. P. 104.

Какие производственные проекты заслуживают реализации?

Одна из важных посылок аргументации Мизеса состоит в том, что существует много *возможных* способов произвести любое конкретное потребительское благо. Расчет прибылей и убытков с использованием рыночных цен «служит нам путеводителем среди умопомрачительного множества экономических возможностей». К примеру, как следует производить электроэнергию – построить гидроэлектростанцию или добывать уголь и сжигать его на тепловой электростанции? Каждый из этих проектов является «окольным» (состоит из целого ряда этапов, от чертежа до строительства и эксплуатации) и сложным. В таких случаях «невозможно опираться на туманные оценки, требуются намного более точные расчеты и формирование определенного суждения по практическим экономическим вопросам». Такие точные оценки и суждения обеспечивает только расчет прибыльности, в котором используются рыночные цены на производственные ресурсы (потребляемые факторы производства).

Объясняя, каким образом цены на факторы производства дают возможность применить точный критерий, основанный на прибыли/убытке, Мизес сформулировал один из важных принципов функционирования рыночной экономики:

Расчет, опирающийся на меновую ценность, дает возможность контролировать правильное использование благ. Каждый, кто пожелает произвести расчеты в отношении сложного процесса производства, тут же обнаружит, сработал ли он более экономично, чем другие, или же нет; если он выяснит... что его производство не сможет приносить прибыль, то это будет означать, что другие понимают, как найти лучшее применение тем же самым благам более высокого порядка⁹².

Например, цена, которую строитель гидроэлектростанции вынужден предложить за бетон, чтобы последний достался ему, а не другим потенциальным пользователям, сигнализирует о ценности бетона при альтернативном использовании. То же самое относится и к другим производственным ресурсам. Если окажется, что при данной цене проект строителя ГЭС не сможет приносить прибыль, то причиной будет то, что его способ использования производственных ресурсов, как можно ожидать, не даст на выходе продукцию, обладающую более высокой ценностью, чем продукция, произведенная при использовании этих ресурсов другими потенциальными покупателями.

Рассмотрим пример двух предпринимателей-конкурентов – Бартона и Джонса. Каждый из них берет в банке заем 20 тыс. долларов, на 10 тыс. покупает бетон, а на остальные деньги нанимает работников. Оба планируют скомбинировать эти факторы производства и продать произведенную продукцию. Из полученных доходов каждый должен будет выплатить банку по 21 тыс. долларов (основная сумма плюс проценты), а оставшиеся деньги сможет оставить себе в качестве прибыли. Бартон строит плавательный бассейн и выручает за него 20 тыс. долларов. Результат – тысяча долларов убытка. Джонс строит теннисный корт, за который ему платят 22 тыс. долларов. Результат – тысяча долларов прибыли. Почему же Бартону приходится платить за бетон 10 тыс. долларов? Если бы он предложил более низкую цену, то этот бетон перекупил бы Джонс и другие предприниматели, готовые заплатить за него рыночную цену в 10 тыс., поскольку, по их оценкам, планируемый *ими* способ использования бетона позволит получить продукцию, ценность которой будет выше ценности бетона не менее чем на 11 тыс. долларов, что обеспечит им прибыль. Оказывается, что способ, который выбрал Бартон, добав-

---

⁹² Ibid. P. 97–98.

ляет меньше ценности, поэтому он приносит убыток. Тот факт, что Бартон не может получить прибыль при покупке бетона и труда по рыночной цене, свидетельствует, что Джонс и другие понимают, как можно использовать бетон и труд с большей пользой.

Процесс рыночного ценообразования, движимый конкурентным торгом стремящихся к прибыли предпринимателей, назначает цены на производственные ресурсы в соответствии с ожидаемой добавленной ценностью, которую они создают при производстве потребительских благ. Мизес пишет, что, ориентируясь на цены, стремящийся к прибыли предприниматель

использует блага более высокого порядка так, чтобы они давали наибольшую отдачу. Таким образом, все блага более высокого порядка размещаются на шкале оценки в соответствии с существующими социальными условиями производства и потребностями общества⁹³.

---

⁹³ Ibid. P. 107 [Там же. С. 105].

Критерий прибыли делает возможным «разделение умственного труда»

Расчет прибыли позволяет иметь в экономике вместо единого центрального планового органа множество субъектов, децентрализованно принимающих производственные решения. Подход, в соответствии с которым практически каждому предоставляется возможность решать, как использовать некоторые редкие производственные ресурсы общества, жизнеспособен в долгосрочной перспективе только при наличии некоей системы выявления и дестимулирования неэкономичных решений. По выражению Мизеса, децентрализация в мире редкости благ «подразумевает своего рода разделение умственного труда, невозможное без некоей системы производственного расчета и без экономии»⁹⁴. Позднее Хайек будет особо подчеркивать ту мысль, что система цен позволяет обществу использовать фрагменты специализированного производственного знания, рассеянные в умах множества людей.

Суть дела может прояснить аналогия со спортом – по крайней мере для тех, кто знаком с американским футболом. Должна ли футбольная команда, стремящаяся к победе, позволять квотербеку направлять игру в нападении или это должен делать тренер из-за пределов поля? Ответ полностью зависит от того, насколько *результативен* подход, при котором игру направляет квотербек. Команда может оценить эту результативность, используя весьма простой «критерий прибыли»: приводят ли такие действия этого игрока к получению командой большего количества очков?

---

⁹⁴ Ibid. P. 102.

Почему не годится оценка, основанная на затратах труда?

В аргументации Мизеса была воплощена неоклассическая *теория предельной производительности*, объяснявшая формирование цен на факторы производства. Согласно ей цена производственного ресурса (единицы сырья, машино-часа, часа времени рабочего) на рынке, где предприниматели осуществляют конкурентный торг за него, отражает ценность предельного вклада этого ресурса в выручку от продажи продукции. Социалисты-марксисты в 1920 году придерживались более старой теории цены – классической трудовой теории ценности. Согласно этой теории адекватная цена блага пропорциональна овеществленному в нем необходимому количеству рабочего времени. Если следовать трудовой теории и считать, что специалисты в центральном плановом органе способны определить технически необходимое количество часов рабочего времени, то предпринимательский торг за производственные ресурсы становится излишним. Плановики просто устанавливают соответствующие цены пропорционально необходимому рабочему времени.

Однако Мизес указал на две проблемы, возникающие при «оценке в соответствии с трудом». Во-первых, такая оценка не может объяснить ценность природных ресурсов. Недельные и сезонные колебания цен на нефть невозможно объяснить колебаниями рабочего времени, необходимого для разведки и добычи этого сырья. Во-вторых, труд неоднороден, он имеет качественные различия. В силу этих, а также других причин овеществленное в экономическом благое рабочее время слабо соответствует реальной цене в условиях рыночной экономики, а посему оценка в соответствии с трудом не может заменить рыночное ценообразование. «Трудовая теория ценности» – это ложная теория цены⁹⁵.

---

⁹⁵ Ibid. P. 112–116.

Трудовая теория ценности и связанные с ней проблемы

Трудовая теория ценности, отмечает экономист Дэвид Причитко, представляет собой «краеугольный камень традиционного марксистского экономического учения», сформулированного в главном труде Маркса «Капитал» (1867). Объясняя относительные цены, эта теория, по словам Причитко, утверждает: «Если, например, для изготовления пары ботинок, как правило, требуется вдвое больше времени, чем для пошива брюк, то... конкурентная цена ботинок будет вдвое выше, чем цена брюк»⁹⁶. Маркс позаимствовал свою теорию ценности у экономистов классической школы, главными представителями которой были Адам Смит, Дэвид Рикардо и Джон Стюарт Милль. В примере, который приводит Смит в «Богатстве народов» (1776), речь идет не о двух парах брюк за одну пару ботинок, а о двух оленях за одного бобра⁹⁷. Дэвид Рикардо открывает первую главу своих «Начал политической экономии и налогового обложения» (1817) следующим утверждением: «Стоимость товара, или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства»⁹⁸. Джон Стюарт Милль в «Принципах политической экономии» (впервые опубликована в 1848 году, затем книга много раз переиздавалась) выдвинул, по сути дела, аналогичную теорию. «Капитал» Маркса во многом стал «лебединой песней» классической теории цены.

Привлекательность трудовой теории ценности заключалась в том, что она вроде бы объясняла тенденцию приближения цены к затратам. Экономисты классической школы отвергали альтернативную теорию, согласно которой ценность является производной от потребительских предпочтений или спроса, в частности потому, что эта теория, как тогда казалось, порождала следующий парадокс: алмаз гораздо менее важен для жизни человека, чем галлон воды (если бы вам предложили на выбор отказаться от всех алмазов или от всей воды, что бы вы предпочли?), но его рыночная цена намного выше.

Однако при более тщательном анализе трудовая теория ценности оказывается несостоятельной. Одно из направлений ее критики связано с тем, что она не соответствует ключевому экономическому принципу, принимавшемуся и Марксом: конкуренция уравнивает норму доходности разных инвестиций. Предположим, что для производства пинты ягод надо затратить десять человеко-часов труда сегодня (нужно найти семена и их посадить; для простоты допустим, что, кроме труда, других ресурсов здесь не требуется), а затем подождать *один* год. Предположим также, что для производства бушеля яблок нужно затратить десять человеко-часов труда сегодня (вложения других ресурсов не требуется), а затем подождать *два* года. Затраты труда одинаковы, но цены на оба продукта в равновесном состоянии *не могут* быть одинаковыми, поскольку это означало бы, что годовая ставка доходности капитала в производстве яблок ниже. Никто не станет инвестировать в двухлетний производственный процесс, который дает при одинаковых затратах не больше выручки, чем однолетний процесс. В состоянии равновесия при положительной ставке процента яблоки должны продаваться дороже, несмотря на равенство затрат труда – иначе их никто не станет выращивать. Рикардо осознавал, что такая проблема существует, но попросту отмахнулся от нее, заявив, что трудовая тео-

⁹⁶ Prychitko D.L. Marxism // The Concise Encyclopedia of Economics / Ed. by D.R. Henderson. Indianapolis: Liberty Fund, 2008. P. 337.

⁹⁷ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by R.H. Campbell, A.S. Skinner, W.B. Todd. Indianapolis: Liberty Classics, 1981. P. 65 [web.archive.org/web/20081230144640/http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=220&Itemid=27] [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 103]. Смит считал, что чистая трудовая теория ценности относится к «первобытному и малоразвитому обществу», где отсутствует капитал, а земля не является редким благом.

⁹⁸ Ricardo D. The Principles of Political Economy. London: John Murray, 1817 [www.econlib.org/library/Ricardo/ricP1.html] [Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 82].

рия ценности тем не менее верна *в качестве приближения*. Маркс обещал устранить это противоречие в третьем томе «Капитала», но так этого и не сделал. За это его раскритиковал австрийский экономист Ойген фон Бём-Баверк в своей работе «К завершению марксистской системы» (1896).

Неспособность трудовой теории ценности учесть влияние процента (или ожидания) на цену можно проиллюстрировать еще одним примером. Беглое знакомство в интернете с ценами на разные сорта односолодового шотландского виски «Гленливет» дает следующий результат:

- выдержка 12 лет, крепость 43 градуса, 0,75 литра – 30 долларов;
- выдержка 15 лет, крепость 43 градуса, 0,75 литра – 45 долларов;
- выдержка 18 лет, крепость 43 градуса, 0,75 литра – 62 доллара.

Разумно предполагая, что на приготовление солода, дистилляцию и разлив в бочки всех этих сортов виски «Гленливет» требуется одинаковое количество человеко-часов и единственное различие в производственном процессе – это время, которое виски выдерживается в бочке, мы приходим к выводу, что такая разница в ценах совершенно не согласуется с чистой трудовой теорией ценности. (Очевидность разницы в ценах на скотч разной выдержки заставляет поражаться, как шотландец Адам Смит мог быть сторонником трудовой теории ценности.) Подобные различия не просто согласуются с равенством нормы доходности, но и *необходимы* для того, чтобы оно имело место.

Самый фундаментальный дефект трудовой теории ценности (и более общей теории ценности, основанной на издержках производства, которую также выдвинул Смит и другие экономисты) состоит в предположении, будто цена блага отражает некое его *внутреннее* свойство, нечто внедренное в него в процессе производства, а не нечто такое, что существует в умах покупателей. Утверждается, что затраты на факторы производства определяют цену продажи, а не наоборот. Первые критики этой теории, например Сэмюэл Бейли (в работе, изданной в 1825 году), указывали, что спрос и редкость блага вместе являются необходимым и достаточным объяснением ненулевой цены (и разрешают «парадокс воды и алмазов»), а затраты труда ни необходимым, ни достаточным объяснением служить не могут. Участки земли с высоким естественным плодородием обладают этим свойством без каких-либо затрат труда, но при этом имеют высокую ценность. Бездарные произведения искусства могут воплощать в себе много часов труда, но на рынке они стоят очень дешево – а то и вообще нисколько. Тем не менее эти критики не смогли полностью сформулировать альтернативную теорию.

Несмотря на общеизвестные проблемы, трудовая теория ценности продолжала преобладать в экономических текстах до тех пор, пока не была выработана более совершенная теория: субъективная теория ценности, или теория предельной полезности. Эту «маржиналистскую революцию» одновременно, но независимо друг от друга произвели в 1871 году Карл Менгер, Уильям Стэнли Джевонс и Леон Вальрас. Менгер писал: «Блага всегда имеют ценность для определенных экономических индивидов, и в то же время эта ценность определяется только этими индивидами». Джевонс добавлял, что ценность труда «должна определяться ценностью продукции, а не ценность продукции – ценностью труда»⁹⁹. Иными словами, потребительские блага являются ценными независимо от того, что было затрачено на их производство. Не труд придает ценность потребительским благам – напротив, ценность самого труда определяется его ожидаемым вкладом в производство потребительских благ, оцениваемых независимо от него.

---

⁹⁹ Menger C. Principles of Economics. New York: New York University Press, 1976. P. 146 [Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 158]; Stanley Jevons W. The Theory of Political Economy. London: Macmillan, 1871. P. 160–161.

Проблема стимулов при социализме

Как показывает опыт, *еще одной* серьезной проблемой в централизованно планируемой экономике является отсутствие стимулов у работников и управленцев. Неофициальным девизом советских рабочих была пословица: «Они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем». У руководителей предприятий, которые ничего не получают от прибыли, нет стимулов для творческого мышления и даже для серьезных усилий по снижению затрат в рутинных операциях. Мизес утверждал, что проблема экономического расчета носит более фундаментальный характер, поскольку она сохранится, даже если будет решена проблема стимулов:

Но даже если мы на минуту предположим, что... каждый индивид в социалистическом обществе будет трудиться с тем же рвением, что и сейчас в обществе, где он подвергается давлению свободной конкуренции, это не решает проблему измерения результатов экономической деятельности в социалистическом обществе, не дающем возможности производить экономический расчет. Мы не можем действовать экономично, если не в состоянии понять экономичное поведение¹⁰⁰.

На самом деле этот аргумент не доказывает, что проблема расчета более фундаментальна. С таким же успехом можно на минуту предположить, что центральный плановый орган способен устанавливать правильные цены, и заметить, что это не решает проблему того, как заставить рабочих и управленцев напрягать все свои силы. Проблема расчета и проблема стимулов *в равной степени* фундаментальны.

---

¹⁰⁰ Mises L. von. Economic Calculation in the Socialist Commonwealth. P. 120.

Ответ Оскара Ланге на вызов Мизеса

Свои аргументы Мизес подытожил следующим образом: «Там, где нет свободного рынка, нет и механизма ценообразования, а без механизма ценообразования невозможен экономический расчет»¹⁰¹. Экономист-социалист Оскар Ланге, соглашаясь со вторым его тезисом, отвергал первый.

Ланге – польский экономист, работавший в то время в США, – сформулировал свой ответ Мизесу в ключевой статье «Об экономической теории социализма», опубликованной в 1936–1937 годах двумя частями, где он выдвинул доводы в пользу системы, получившей впоследствии название «рыночного социализма»¹⁰². Он начал с признания серьезности вызова, брошенного Мизесом социалистической теории. Ланге иронически заметил, что новое министерство будущего социалистического правительства должно будет поставить Мизесу памятник за его вклад в дело социализма:

У социалистов, несомненно, есть все основания быть благодарными профессору Мизесу, играющему по отношению к их делу роль великого *advocatus diaboli*¹⁰³. Именно его мощный вызов заставил социалистов осознать значение адекватной системы экономического учета как ориентира для аллокации ресурсов в социалистическом хозяйстве. Более того, в основном благодаря вызову, брошенному профессором Мизесом, многие социалисты узнали о самом существовании этой проблемы... В знак признания этой великой заслуги и в качестве напоминания о первостепенной важности надежного экономического расчета статуя профессора Мизеса должна занять почетное место в большом зале Министерства социализации или Центрального планового управления социалистического государства¹⁰⁴.

Ланге соглашался с Мизесом в том, что трудовая теория ценности не подходит в качестве ориентира, позволяющего производителям экономичным образом поставлять потребителям то, что те хотят. Маркс, отмечал он, «судя по всему, считал труд единственным видом редкого ресурса, который необходимо распределять между различными способами использования, и хотел решить эту проблему с помощью трудовой теории ценности... Профессор Пирсон и профессор Мизес, несомненно, заслуживают благодарности исследователей этой проблемы за то, что они выявили несостоятельность такого упрощенческого решения». Ланге предложил управлять социалистической экономикой с помощью современной маржиналистской теории, а не марксизма или какой-либо другой разновидности классической школы: «Ограниченность Маркса и Энгельса – это ограниченность экономистов-классиков»¹⁰⁵. Если марксисты обещали

---

¹⁰¹ Ibid. P. 111.

¹⁰² Lange O. On the Economic Theory of Socialism: Part One // Review of Economic Studies. 1936. October. Vol. 4. P. 53–71; Idem. On the Economic Theory of Socialism: Part Two // Review of Economic Studies. 1937. February. Vol. 4. P. 123–142. Среди других важных работ, ставших вкладом в теорию рыночного социализма, следует упомянуть следующие: Taylor F.M. The Guidance of Production in a Socialist State // American Economic Review. 1929. March. Vol. 19. P. 1–8; Dickinson H.D. Price Formation in a Socialist Community // Economic Journal. 1933. June. Vol. 43. P. 237–250; Lerner A.P. Economic Theory and Socialist Economy // Review of Economic Studies. 1934. Vol. 2; Idem. The Economics of Control. New York: Macmillan, 1940. Статьи Ланге и Тэйлора были переизданы в сборнике: On the Economic Theory of Socialism / Ed. by B.E. Lippincott. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938.

¹⁰³ Адвокат дьявола (лат.).

¹⁰⁴ Lange O. On the Economic Theory of Socialism: Part One. P. 53.

¹⁰⁵ Ibid. Part Two. P. 138. «Профессор Пирсон» – это Николас Герард Пирсон (1839–1909), предвосхитивший некоторые аргументы Мизеса в своей статье, вышедшей в 1902 году на нидерландском языке. Она была переведена на английский под названием «Проблема ценности в социалистическом обществе» и опубликована в сборнике: Collectivist Economic Planning. P. 41–86.

опрокинуть логику рыночных отношений, то Ланге предлагал следовать ей как можно строже. Рыночная социалистическая экономика превзойдет капиталистическое хозяйство в достижении эффективности в смысле неоклассической модели совершенной конкуренции.

Антимарксистская часть аргументации Ланге в пользу рыночного социализма, естественно, подверглась критике со стороны экономистов-марксистов того времени, прежде всего преподавателя Кембриджского университета Мориса Добба. Последний отвергал то, что считал уступками капиталистическим принципам со стороны Ланге, в частности идею производства, ориентированного на нужды потребителя, а не исходящего из выводов специалистов о том, что нужно производить, а что – нет. Приводя в пример крупнейшую государственную компанию-монополиста в довоенной Великобритании, Добб совершенно искренне задавал риторический вопрос: «Может ли кто-то всерьез утверждать, что количество и характер музыки, транслируемой BBC, должны определяться рыночным механизмом?»¹⁰⁶

---

¹⁰⁶ *Dobb M. On Economic Theory and Socialism: Collected Papers. London: Routledge, 1953. P. 73.*

Оскар Ланге

Оскар Ланге (1904–1965) в 1928 году получил докторскую степень по экономике в Краковском университете. В 1931–1934 годах он преподавал в этом университете статистику и был активным членом Польской социалистической партии. В 1934 году Ланге опубликовал партийный памфлет «Путь к социалистической плановой экономике». Следующие два года он провел в США, получив исследовательскую стипендию Фонда Рокфеллера. После этого Ланге недолгое время преподавал в Университете Мичигана, Калифорнийском университете в Беркли и Стэнфордском университете. В 1939 году он стал профессором экономики в Чикагском университете, где работал до 1945 года, после чего оставил науку и стал первым послом коммунистической Польши в США, а затем ее представителем в ООН. В 1948 году Ланге вернулся в Польшу и жил там до самой смерти в 1965 году, став депутатом Сейма и высокопоставленным чиновником, занимавшимся централизованным планированием экономики страны.

Ответ Ланге Мизесу

Ланге отвергал утверждение Мизеса: «Там, где нет свободного рынка, нет и механизма ценообразования». Он считал, что социалистическая система тоже может устанавливать и использовать цены. По его мнению, «утверждение профессора Мизеса о том, что социалистическая экономика неспособна решить проблему рациональной аллокации ресурсов, связано с заблуждением в отношении природы цен». Цены – лишь числовые коэффициенты, позволяющие сравнивать разные варианты, «условия, на которых предлагаются альтернативы». Они, несомненно, необходимы, но не обязательно должны иметь своим источником рынок: их может устанавливать и министерство социалистического государства, причем даже более эффективно. Общую логику аллокации ресурсов Ланге рассматривал как математическую задачу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.